1-72 34.609.7

ОТ НЭПА К СОЦИАЛИЗМУ

(взгляд в будущее России и Европы)

Е. Преображенский

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
МОСКВА — 1922.

Инв № 20442

Главлит № 6. 20.000 экз.

1-я Типография М. С. Н. Х. Арендаторы: С. Я. Цузмер и С. Г. Гликин.
Армянский пер., 6.

В первой аудитории Московского Политехнического музея, по давно установившейся практике, читались лекции для работников, которые не удовлетворялись полученными в школе знаниями и продолжали образование в свободные часы. В 1920 г. здесь шли лекции по истории великой русской революции, привлекавшие большое количество слушателей. Эти лекции одновременно слушались рабочими и в других районах, которые были соединены радио-связью с первой аудиторией. Лекции читал профессор русской истории и в то же время слесарь железнодорожных мастерских, Минаев.

Курс Минаева начинался с первой русской революции 1905 г. и заканчивался эпохой гражданской войны в Европе. Историк не только учил своих слушателей пользоваться методами исторического материализма на разборе конкретных исторических фактов, но и сообщал слушателям ряд конкретных исторических сведений из рассматриваемой эпохи, главным образом, экономического характера. Пятая лекция, которую читал Минаев 13-го мая, начиналась с характеристики политического и экономического положения, создавшегося в Европе после первой волны пролетарской революции в 1917—1920 годов. Приводим целиком эту лекцию и следующие, следовавшие за ней.

Европейский капитализм в тупике

Лекция пятая

Товарищи! В прошлой лекции я дал Вам картину событий, имевших место в 1918—1920 годах. Из приведенных фактов Вы могли видеть, что первое вулканическое извержение пролетарской революции оказалось недостаточно сильным, чтобы прорвать социальную кору капитализма по всей Европе Я пытался также об'яснить Вам, почему революция не могла победить буржуазный мир в Европе с одного удара. Но и достигнутый успех было бы неправильно преуменьшать. Победа пролетарской революции на территории России означала переход под власть рабочих половины Европы и одной шестой части земного шара. Война, где в первом сражении одна из воюющих сторон занимает шестую часть территории противника, эта война не плохо началась для побеждающего. Но было бы неправильно и преувеличивать материальные результаты первого этапа революции. Если взять количество народонаселения тогдашней Советской России по отношению ко всему народонаселению мира, то под властью Советов оказалось тогда лишь $^1/_{15}$ часть всего человечества. Не более значительными должны казаться нам материальные результаты революции, если мы выясним удельный вес экономики Советской России в системе тогдашнего мирового хозяйства. Чистый национальный доход Советской России в первые годы революции не превышал пяти миллиардов золотых рублей по довоенным ценам, что составляло менее, чем часть ежегодного национального дохода Европы и Америки, а следовательно, еще меньшую часть всего мирового производства.

Но тем не менее, прорыв капиталистического фронта был сделан, и на теле мирового капитализма образовался выступ, где пролетариат получил материальную возможность постепенно развертывать предпосылки для социалистического хозяйства. Своеобразие политического и экономического положения Европы в 20-х годах настоящего столетия заключалось

в том, что капитализм не мог заделать пробоины, полученной в первом этапе революции, и вынужден был приспособляться к существованию первого Советского государства и новой системы собственности, т.-е. общественной собственности (по крайней мере, в крупной промышленности). Соглашаясь терпеть существование Советской Республики, которую капитализм был не в силах раздавить, он, естественно, рассматривал такое положение, как временное, ибо считал существование Советской Власти в России недолговечным. История, как Вы знаете, решила иначе.

Как это все произошло, какие силы привели к новому взрыву рабочей революции в Европе?

Остановимся сначала несколько на экономической ситуации в Европе после первого этапа мировой революции. Спасшийся от краха капитализм, раздираемый внутренними противоречиями, приступил к постепенному залечиванию ран, полученных им во время мировой войны. Ему пришлось начинать эту работу при ситуации, когда размеры промышленного производства в Европе сократились почти на половину. Вырваться из этого уровня производства капиталистическая Европа могла бы в краткий срок, если бы все необходимые элементы для расширенного производства имелись на-лицо. К этим элементам относится: рабочая сила в нужном размере, орудия производства, достаточное количество источников сырья и достаточное количество рынков сбыта, емкость которых увеличивается более или менее пропорционально росту производства. Что касается рабочей силы, то в 20-х годах ее имелся огромный излишек по сравнению с наличными размерами производства. Шесть миллионов безработных—вот была та резервная армия, при наличии которой начинал политически оправившийся капитализм новый цикл своего развития. Что касается орудий производства, то они имелись в огромном излишке. Фабрики работали на половину своей производительной способности. Не требовалось и новой аккумуляции капитала, для того, чтобы, как это происходит нормально, из этого фонда накопления черпать средства для создания основного капитала для расширяющегося производства. Это было в данном случае тем более важно, что послевоенная Европа не была в состоянии накоплять для расширенного воспроизводства, наоборот, она была вынуждена даже расстрачивать часть капитала, накопленного в предыдущие десятилетия.

Остаются два другие условия. Здесь дело обстояло совсем неблагополучно для капитализма. За время войны американская промышленность сделала гиганский шаг вперед в своем развитии. Вместе с тем и сильно развилась национальная промышленность в колониях и полуколониях, которые до войны были источниками сырья и рынками сбыта для европейской промышленности. В результате количество рынков для европейской промышленности сильно сократилось, уменьшилось также количество сырья, которое могло итти в Европу, потому что значительная его часть стала теперь перерабатываться в Америке и в колониях. В результате такого нового перераспределения рынков и источников сырья в системе мирового хозяйства европейская промышленность оказалась урезанной с этой стороны и низведенной на гораздо более низкий базис производства в сравнении с довоенным временем. Европейская промышленность перед войной знала, конечно, определенную пропорциональность между основными условиями производства, и если теперь размеры сырья и рынков сбыта непропорционально сильно уменьшились в сравнении с остальными элементами производства, то старая постройка не могла быть восстановлена без восстановления всех старых пропорций. Как сила цепи определяется силой самого слабого звена, так и европейская промышленность не могла в своем развитии перешагнуть размеров, диктуемых наличными рынками сырья и сбыта и вынуждена была равняться по ним. Выход России из системы мирового хозяйства еще больше обострил положение, поскольку с ней отпадал огромный рынок и богатейший источник сырья. Европейская промышленность могла бы увеличить источники сырья и рынки сбыта тремя путями: 1) путем вовлечения России в систему мирового хозяйства, с одновременным поднятием производительности ее земледелия, 2) путем увеличения покупательной способности самого европейского населения, в 3) путем новой войны, причем пришлось бы воевать с Америкой, оттеснившей Европу из ряда районов, служивших для нее источниками сырья и рынками сбыта.

К этим затруднениям прибавились также затруднения продовольственные. Уже перед войной европейская промышленность упиралась в медленный темп развития земледелия, что приводило к росту дороговизны продуктов питания. Производство хлеба становилось относительно все дороже, тогда как продукты промышленности делались дешевле, вслед-

ствие быстрого развития индустриальной техники. А в свою очередь замедление технического прогресса в земледелии через повышение цены хлеба, замедляло процесс удешевления продуктов промышленности. Таким образом, уже до войны европейская промышленность стояла перед кризисом с *этой стороны*. Неудача первой русской революции, которая, в случае ее успеха, могла бы обеспечить русскому сельскому хозяйству быстрое развитие, закрыла для Европы и эту дверь. Война спутала все карты, заслонив хлебный кризис рядом других. Но нерешенная проблема выдвинулась снова перед Европой после войны. Эта проблема стала тем более серьезной, что европейское сельское хозяйство за время войны сильно уменьшило свою продукцию, и зависимость Европы от внешних хлебных рынков еще более возросла.

Европа не могла найти выхода из положения путем войны с Америкой, потому что она была несравненно слабее Америки во всех отношениях, не говоря уже о том, что единый капиталистический фронт Европы против Америки был невозможен. Увеличение покупательной способности собственного населения и, прежде всего, увеличение покупательной способности рабочего класса было также невозможно. Капитал был вынужден как раз к обратному, к сокращению заработной платы, с тем, чтобы из увеличенной массы прибавочной стоимости расширять закупки вздорожавшего сырья. Расширение же рынков сбыта и сырья мирным путем толкало Европу к использованию возможностей внутри самой Европы, в колониях и к установлению хозяйственных связей с Россией. Выпадение русского хлебного рынка из системы европейского хозяйства, привело Европу к тяжелой экономической, в частности, продовольственной и валютной зависимости от Америки. Наоборот, восстановление русской торговли хлебом означало создание второго крупнейшего конкурирующего центра мировой хлебной торговли и притом с более дешевым хлебом. Включение России в систему европейского хозяйства открывало для Европы возможность развертывать промышленность без переброски значительной части капитала и производительных сил вообще из промышленности в земледелие, что означало бы понижение уровня всей системы хозяйства и всей культуры вообще. Если сто миллионов русских крестьян, производивших в 1920 г. два миллиарда пудов зерна, в 1930 году стали производить пять миллиардов, то это увеличивало европейскую базу промышленности в области

продовольственной до колоссальных размеров. Но восстановление русского сельского хозяйства, которое в первые годы, по крайней мере, становилось на ноги быстрее, чем русская промышленность, в огромной степени увеличивало спрос России на промышленные товары Европы.

Отсюда вы видите, товарищи, что сила Советской России в 20-х годах нашего века заключалась прежде всего в слабости Европы. Ахилесова пята европейской промышленности находилась в России. Россия же как раз находилась во власти революционного пролетариата. Без вовлечения России в систему мирового хозяйства быстрое развитие Европы было невозможно. Попытка превратить Россию в колонию Европы путем поддержки гражданской войны и интервенции буржуазной Европе не удалась. Приходилось избирать другие мирные пути. Первой попыткой в этом направлении была Генуэзская конференция, на которой капиталистическая Европа хотела добиться того, чтобы за включение свое в систему мирового хозяйства (т.-е. за то, что являлось жизненной необходимостью для самой Европы) Россия заплатила буржуазной Европе все царские долги и возместила убытки, причиненные европейским капиталистам национализацией промышленности. Советское правительство на это не согласилось. Дальнейшие события показали, что оно было совершенно право. Более того, события показали, что Советская Россия, сама недооценивала своей собственной силы. Капиталисты Европы гораздо более нуждались в Советской России, чем показывали ее дипломаты, и даже больше, чем сознавала тогда буржуазная дипломатия. При таких условиях сильнее тот, кто больше может ждать. Россия могла больше ждать, и она оказалась сильнее.

По развитие производительных сил самой России также требовало тесной экономической связи ее с Европой. В отличие от промышленных стран Европы, прежде всего Англии и Германии, Россия представляла из себя страну, имевшую все данные для развития в самодовлеющий экономический организм. Для этого были на-лицо данные экономического, географического и социального характера. Во-первых, Россия обладала всеми природными данными для создания могучего промышленно-земледельческого хозяйственного организма. Каменный уголь, нефть, торф, лес, железная и прочие руды, хлопок, все виды сырья, кроме каучука, безграничная возможность сельско-хозяйственного развития и увеличения продук-

ции животноводческого сырья—все это имелось на-лицо. На лицо, таким образом, имелись данные для быстрого развития по американскому типу. Но вместе с тем было и одно огромное отличие от Америки, как раз не препятствующее, а, наоборот, содействующее созданию единого экономического целого; дело идет о социалистическом режиме. Хозяйство капиталистической Америки на известной стадии развития ее промышленности требовало расширения своей рыночной базы за пределами страны. Американская промышленность и американское сельское хозяйство вплелись в систему мирового хозяйства. Промышленность Америки всегда перерастала размеры своего внутреннего спроса и неизбежно рвалась на внешний рынок. Поскольку движущей силой хозяйства являлась прибыль, распределение произведенного происходило лишь в форме продажи и в случае невозможности такой продажи, расширение производства теряло смысл с капиталистической точки зрения. Наоборот, для такой страны, как Россия, где природные возможности для самодовлеющего хозяйства соединялись с социальными (до победы социализма в других странах), дело обстояло иначе, чем в Америке. Для развития промышленности внешние рынки не требовались, потому что чем больше производилось, тем больше могло идти в социалистическое распределение. Для капиталистического производства не годится лозунг: «чем больше, тем лучше», потому что не все произведенное может быть продано. Наоборот, для социализма этот лозунг годится, это есть его основной лозунг, потому что чем больше произведено, тем больше достанется каждому работнику. Правда, социалистическое хозяйство еще больше, чем капиталистическое, нуждается в пропорциональности своих частей. Но эта пропорциональность достигается в нем не посредством рынка, а на основании учета размеров возможного потребления. Во всяком случае, для тогдашней промышленности России, работавшей для внутреннего потребления, не могло быть и речи о перепроизводстве.

Правда, эта промышленность не была социалистической в полном смысле этого слова, как наша теперешняя промышленность, и не вся ее продукция шла в *социалистическое* распределение. Промышленность в значительной мере еще работала на внутренний крестьянский *рынок*, потому что мелкое самостоятельное крестьянское хозяйство было господствующей формой в земледелии. Чтобы купить хлеб и сырье, промышленность должна была часть продукции продать производи-

телям хлеба и сырья. Перепроизводство было опасно лишь постольку, поскольку в отдельных отраслях могло быть выработано лишнее количество таких продуктов, которые не нужны не только крестьянам, но и рабочим, а недопроизведено таких, которые нужны тем и другим. Но все это уже другой вопрос, к которому я вернусь еще в дальнейшем, когда буду вам говорить об экономическом развитии России в период перехода от капитализма к социализму. Мне здесь важно подчеркнуть лишь одно. Нуждаясь в увеличении емкости крестьянского рынка *внутри*, наша промышленность не нуждалась для своего развития в рынках *внешних*, потому что в социалистическом распределении внутри круга государственных предприятий, государственных рабочих и служащих она имела тот клапан, который заменял клапан нового внешнего рынка для развивающейся капиталистической индустрии.

Но обладая всеми природными данными для временного изолированного экономического существования (до пролетарской революции в других странах), Советская Россия, тем не менее для наиболее быстрого развития своих производительных сил нуждалась в экономических связях с капиталистической Европой. Если капиталистические страны толкала в Россию необходимость искать рынки и сырье для развивающейся промышленности, то Россию в Европу толкала недостаточность ее промышленного развития, которая, в свою очередь, тормозилась развалом сельского хозяйства. Без достаточно крепкого сельского хозяйства не могла существовать русская дореволюционная капиталистическая промышленность. Без сильного сельского хозяйства не могла быстро развиваться и социалистическая промышленность. Но чтобы сельское хозяйство могло быстро стать на ноги, ему была необходима помощь со стороны, ему нужен был в крупных размерах не только краткосрочный торговый, но, главным образом, долгосрочный кредит, кредит мелиоративный и на восстановление хозяйства. Русская социалистическая промышленность не могла в больших размерах оказать такой помощи земледелию, не могла обеспечить кредита в сколько нибудь крупных размерах, потому что сама нуждалась в помощи и кредите. Она сама не имела достаточно оборотного капитала и сильно износила за время войны и революции свое оборудование. Лишь более богатая европейская промышленность могла оказать кредит русскому сельскому хозяйству, в поднятии которого она сама была в высокой степени заинтересована.

Следовательно, экономическая ситуация в Европе в 20-х годах складывалась таким образом, что для развития производительных сил как капиталистической Европы, так и социалистической России необходим был взаимный хозяйственный переплет, при чем исходной движущей силой развития в этот период экономической истории Европы должно было послужить быстрое, почти скачкообразное развитие русского сельского хозяйства. Как я уже говорил выше, европейская промышленность не имела внутри самой Европы предпосылок для своего быстрого восстановления без новых рынков и источников сырья за пределами Европы. В результате, русская деревня оказалась в этот период осью для экономического развития Европы. Здесь была линия наименьшего сопротивления для продвижения вперед. Насколько это верно, вы можете видеть из такого упрощенного экономического расчета. Всякий шаг вперед в хозяйственном отношении означает увеличение новых ценностей, создаваемых в стране на новые сотни миллионов или на миллиарды в год со всеми вытекающими отсюда последствиями, как-то: увеличение возможностей производительного накопления, а следовательно, постройки новых фабрик, железных дорог, расширения производства в существующих фабриках, увеличение возможности личного потребления как класса капиталистов, так и рабочих и т. д. Представьте себе на минуту все европейское хозяйство в 20-х годах, как единое целое (каковым оно было лишь отчасти). Представьте, что дело идет о том, чтобы в кратчайший срок увеличить ежегодное количество производимых промышленностью Европы ценностей, допустим, на два миллиарда золотых рублей. Как это было бы об'ективно возможно при описанных выше условиях и при сохранении механики капиталистического способа производства?

Допустим, европейский капитализм достает средства для закупки добавочного количества сырья и затем находит и покупает это сырье, что одно уже представляло почти неопреодолимую в быстрый срок трудность. Но он еще должен продать произведенные добавочные продукты, т.-е. найти в кратчайший срок добавочный рынок сбыта, хотя бы дело шло здесь о реализации только части вновь произведенных продуктов, поскольку для потребления другой части, как известно, капитализм сам создает внутри себя рынок. Поскольку ни то, ни другое не может упасть с неба, а может появиться лишь путем постепенного ступенчатого развертывания экономических процессов внутри Европы и за ее пределами, то совершенно очевидно, что быстрый скачок вперед европейской промышленности на основании только ее собственных производительных возможностей и при наличии существующих рынков был невозможен. Если бы европейская промышленность в своем порыве к расширению произвела лишних ценностей на два миллиарда и не смогла их все реализовать, это означало бы такой кризис, такую растрату отнюдь не избыточных средств и вызвала такую реакцию против расширения во всем промышленном-органическом организме, что после такого опыта эта промышленность не смогла бы удержаться даже в тех ограниченных размерах продукции, которые существовали до развертывания. Восстановление европейской капиталистической промышленности было бы весьма легким делом, если бы каждая фабрика не только начала производить столько, сколько производила до войны, но и могла бы все произведенное, во-первых, продать, во-вторых, продать по ценам, обеспечивающим продолжение производства. Поскольку же ткань мирового хозяйства в результате мировой войны оказалась порванной, то для развертывания европейской промышленности оказался необходимым ряд новых предварительных экономических процессов.

Наоборот, русское сельское хозяйство для того, чтобы поднять свое годовое производство, нуждалось в немногом.

Если русское сельское хозяйство производило в первые годы революции около двух миллиардов пудов зерна, то в 1922 г. достаточно было среднего урожая, чтобы его продукция возросла почти до трех миллиардов. А чтобы производить больше трех миллиардов, чтобы довести продукцию до четырех миллиардов, (довоенная цифра продукции), ему было необходимо лишь, во-первых, запахать на 25% больше земли, которая имелась под рукой и в любой момент могла поступить под обработку, во-вторых, ввести ряд элементарнейших улучшений в крестьянском хозяйстве, не требовавших никаких особо больших затрат (как ранний взмет пара, запашка под зябь, рядовой посев и т. д.), в третьих, пополнение сельско-хозяйственного инвентаря, в четвертых, увеличение рабочего скота и переброска его в наиболее пострадавшие от падежа скота районы. Все эти мероприятия не требовали каких-либо изменений в самой конструкции крестьянского хозяйства и тем более в конструкции европейского хозяйства. Но эти мероприятия, будучи проведены в жизнь, существенно

изменяли всю кон'юнктуру в Европе. Европейское хозяйство двинулось с мертвой точки (хотя, как увидим ниже, не надолго) благодаря России, тогда как Россия, если бы она оказалась и дальше изолированной в Европе, могла бы пойти в своем развитии вперед и без капиталистической Европы, хотя, разумеется, более медленным шагом. В этом отчасти заключается об'яснение того—с первого взгляда—парадоксального явления, что экономически отсталая Россия сыграла во всей истории Европы столь решающую роль. На этом я должен пока покончить описание европейской обще-экономической ситуации; в следующей лекции я перейду к изложению истории экономического развития России, периода, так называемой новой экономической политики.

Система хозяйства России после ликвидации военного коммунизма. Восстановление земледелия России в первое десятилетие Нэпа

Лекция шестая

В период так называемого «военного коммунизма», существовавшего до весны 1921 года, структура хозяйства в Советской России была более простой, чем в дальнейшем. Если не считать хозяйства кочевников (киргизы, калмыки, буряты и т. д.) в экономическом организме страны существовало два различных типа хозяйства: социалистическая крупная промышленность с ориентацией на плановое производство и плановое распределение продуктов и мелкое производство крестьян и ремесленников с системой рыночного распределения. Попытка Советского государства осуществить систему принудительного распределения продуктов сельско-хозяйственного производства без изменения самой системы мелкобуржуазного производства кончилось неудачей. Вместо принудительного из'ятия из деревни излишков сельско-хозяйственного производства и их планового распределения вместе с продуктами городской промышленности, т.-е. вместо приспособления мелко-буржуазного производства к системе крупного социалистического производства, пришлось, наоборот, приспособить теперь крупное государственное производство к рыночному распределению мелкого товарного хозяйства. Социалистическому производству предстояло теперь подчинить себе мелкое крестьянское хозяйство и ремесло на основе рыночного распределения, т.-е. прежде всего методами капиталистического крупного хозяйства. Это неизбежно повлекло за собой большую пестроту форм во всем хозяйственном организме страны. Крупная государственная промышленность в значительной мере стала работать на рынок. Но все государственное хозяйство не перестало быть в известной мере все же плановым хозяйством. Только планировать теперь приходилось лишь применительно к рынку, и все плановые наброски неизбежно были весьма приблизительными. Отсюда и пестрота во всем хозяйстве. Рядом с органами капиталистического регулирования, как государственный банк и подчиненная ему сеть кредитных учреждений, рядом с биржами, синдикатами и т. д., существовали органы государственно-планового руководства хозяйства, как Госплан, Высший Совет Народного Хозяйства, Наркомпрод, органы планового распределения заработной платы (Цекфонд, Высший тарифный совет). Пестрота еще более увеличивалась, поскольку рядом с чисто государственными предприятиями начали возникать смешанные государственно-капиталистические общества и предприятия, затем шли кооперативные об'единения, игравшие огромную роль не только в области распределения, но и имевшие в своих руках много производственных предприятий. Одно за другим стали возникать концессионные предприятия со вложением иностранного капитала. В торговле развился и усилился частный капитал, овладевший преимущественно мелкой и средней розничной торговлей. Наконец, господствующей формой хозяйства было мелкое крестьянское производство в деревне, мелкое ремесло в городе. Самой низшей ступенью было патриархальное хозяйство кочевников на окраине. Весь этот пестрый смешанный тип хозяйства пытались тогда неудачно назвать государственным капитализмом. Это название было неудачно, потому что оно совершенно не охватывало всей пестроты хозяйственных взаимоотношений и было похищено у другой формы хозяйства, у настоящего государственного капитализма, т.-е. такой системы, где капиталистическое государство сращивается с об'единенным в тресты и возглавляемым банками частным капиталистическим производством. Капитализм, существовавший тогда (и выросший, главным образом, на почве частной торговли) был очень мало государственным, а государство не имело ничего общего с капитализмом в том смысле, что являлось организацией пролетариата для сокрушения капитализма. Этот смешанный тип хозяйства можно было бы изобразить в форме пирамиды, разделенной на части, где главная часть (четыре-пятых стоимости всего годового производства) состоит из двух десятков миллионов мелко-буржуазных хозяйств с прослойкой патриархально-родового хозяйства. Над этим мелко-буржуазным базисом гораздо более тонкая полоска мелких и средних капиталистических предприятий в торговле и промышленности, не регулируемых государством; еще более тонкая полоска капиталистических отношений, регулируемых государством (смешанные общества и т. д.). Еще выше полоса кооператив-

ного производства и кооперативного обмена, и, наконец, вся верхняя часть пирамиды—это слиток социалистических отношений, которые не являются господствующими, но борются за это господство. В целом всю эту систему, по двум ее основным звенам—верхнему социалистическому и нижнему звену мелкого товарного производства, можно было бы назвать товарно-социалистической системой хозяйства.

Сначала все эти различные типы хозяйства не могли размежеваться друг с другом, не заняли определенных позиций по отношению друг к другу и не установили между собой тесной хозяйственной связи. В дальнейшем это довольно скоро было достигнуто. Крупная промышленность и транспорт остались почти полностью в руках пролетарского государства, средняя промышленность поделилась на две половины: одна государственная, другая—частная, в большинстве на основе аренды предприятий частными лицами, артелями и кооперативами у государства. Оптовая торговля была большей частью в руках государственных торговых органов, смешанных торговых обществ и в руках кооперации, и лишь отчасти в руках частного торгового капитала. Иными словами, крупная торговля в значительной мере была обобществлена, либо подчинена государству прямо или косвенно. Наоборот, мелкая торговля в большинстве была в руках частного капитала и отчасти в руках кооперации. Почти все земледелие и мелкая промышленность находились в руках самостоятельных товаропроизводителей.

Связь между всеми этими типами хозяйства начала осуществляться прежде всего путем торговли. В эпоху военного коммунизма между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством существовал резкий разрыв. Какая-либо мануфактурная или обувная фабрика сдавала всю свою продукцию государству. Эта продукция в подавляющем большинстве шла для армии, распределялась среди рабочих в виде прозодежды и т. д. и лишь в небольшой части попадала в деревню. Да и там она распределялась не по признаку, кто больше дал хлеба городу, тот больше получает из города товару, а часто как раз наоборот: кто был бедней и кто освобождался от разверстки, имел больше шансов получить ту же мануфактуру, чем отдавший свои излишки городу кулак. Эта тоненькая связь городской промышленности с земледелием осуществлялась через государство. Более непосредственной связи между крестьянским хозяйством и крупной промышленностью не существовало, если не считать продажи рабочими небольшой части продукции, которую они получали в виде заработной платы, и если не считать того, что разворовывалось и нелегально продавалось в деревню. Наоборот, при новой экономической политике та же мануфактурная фабрика сотнями нитей связывается с крестьянским хозяйством и с отдельными предприятиями государственными и частными. Во-первых, эта фабрика, входя в текстильный трест, производственная программа которого была утверждена Госпланом, а кредиты получаются от Госбанка, включалась в систему государственного социалистического хозяйства. Но в то же время она находилась в оживленных связях и с не-

обобществленной частью хозяйства: продавала ситец крестьянству через кооперацию, покупала у него хлеб или лен, питала этим ситцем частную торговлю, а через нее и через кооперацию связывалась с частными предприятиями всех родов; хлопок фабрика приобретала у декхан Туркестана и т. д. Точно также какой-либо предприниматель с арендованного мыловаренного завода, будучи со своим предприятием частицей необобществленной части хозяйства, включался тем не менее во всю хозяйственную систему в целом. Он продает мыло не только крестьянам, но и государственным учреждениям, он покупает сырье не только у крестьян, но и в государственном оптовом магазине, транспортирует свои грузы по государственным железным дорогам, кредитуется в государственном банке, или в кредитном учреждении, которое связано с государственным банком. Так осуществлялся хозяйственный переплет между различными и по своим тенденциям враждебными друг другу системами хозяйства.

Вас должен интересовать вопрос, как социалистическая форма хозяйства в этом винигрете разных хозяйственных форм сделалась господствующей и сначала подчинила, а затем растворила в себе все остальные. Это господство было приобретено долгой и упорной борьбой и в первое время победа отнюдь не заключалась в распространении социалистической формы хозяйства, как таковой.

Был период, когда крупное производство, только что вышедшее из стадии военного коммунизма, довольно беспомощно барахталось в условиях денежного товарообмена. Его забивало одно время мелкое кустарное производство, как иногда мелкие шавки в состоянии довести до изнеможения сильного медведя. Его обкрадывали, над ним издевались; часть бывших капиталистов, сидевшая в органах управления промышленности, делала все возможное, чтобы принести вред государственной крупной промышленности и нажиться на неумении рабочих руководить всеми сторонами хозяйства и особенно на неумении торговать. Рабочие крупного производства одно время зарабатывали меньше, чем рабочие в ремесле, не говоря уже о самостоятельных ремесленниках и кустарях. В это время даже среди некоторой части коммунистов, правда, ничтожной численно и исключительно интеллигентской, раздавались панические и дезертирские возгласы: не отдать ли побольше, если не все, в аренду капиталистам, все равно сами не справимся. Но об этом не писали, а больше думали про

себя, как показывают мемуары из этой эпохи. Однако, этот критический период был пережит. Крупное производство становилось на ноги и постепенно перед ним стала почтительно расступаться мелкота, жившая до этого хищнической растратой рабочей силы, воровством у крупного производства, при своем почти монопольном положении на вольном рынке.

В первые годы новой экономической политики хозяйство страны стихийно стремилось занять довоенные позиции. Пропорции довоенного хозяйства—вот была та модель, под которую строилась вся хозяйственная жизнь. Разумеется, с теми изменениями, что вся верхушка производства, т.-е. крупная промышленность и транспорт, вся кредитная система и часть оптовой торговли находились теперь в руках нового класса и способ регулирования хозяйства был исторически более высоким, чем при капитализме.

Я уже говорил вам, какие позиции занимали в экономике страны отдельные виды хозяйства, вот с этих-то исходных позиций и началось поступательное движение вперед. В первые годы изменения в хозяйстве были скорее количественного свойства (лишь в дальнейшем количество переходит в качество). Обрисованные мною формы хозяйства, установившиеся в период военного коммунизма, наполнялись содержанием. Самые формы эти начали меняться лишь во втором периоде развертывания хозяйства, когда они оказались слишком узкими для дальнейшего движения вперед.

Уже в первый хозяйственный год выяснилась зависимость развития промышленности от успеха земледелия. Были месяцы, когда, несмотря на страшный товарный голод и истощение всех товарных запасов в стране, в особенности же в деревне, крупная промышленность, вследствие неурожая, не могла быстро сбывать свои продукции, что об'яснялось *не только* неналаженностью торгового аппарата. Дальнейшее развитие промышленности было возможно лишь при условии расширения ее сельско-хозяйственной базы. Опыт показал, что когда все сельское хозяйство страны производило два миллиарда пудов зерна, промышленность могла лишь дышать на ладан. Правда, важнейшие отрасли промышленности и транспорта получали большинство продуктов питания не столько путем покупки у крестьян, сколько из источников продналога. Но размер сбора по продналогу также зависел прежде всего от размеров продукции всего сельского хозяйства в целом.

Благоприятный урожай 1922 года открывает собой период поступательного движения вперед всего хозяйства. В сущности, элементы этого движения вперед наметились уже в 1921 г., но голод сорвал этот процесс и не позволил промышленности быстро и без перебоев разворачиваться уже с осени 1921 г. В 1922 г. в сельском хозяйстве было собрано на 800 миллионов пудов зерна больше, чем в предыдущем году. Это означало возможность для промышленности развертываться значительно шире размеров 1921 г., поскольку это развертывание не зависело от других условий, как наличность сырья, топлива и т. д.

Крестьянское хозяйство начало довольно быстро восстанавливаться. Сократившаяся почти на 30 % в сравнении с довоенным, посевная площадь начала из года в год увеличиваться. Перед этим в северных губерниях были обращены под пашню земли, никогда не бывшие в обработке. Удача первых элементарных улучшений в деле обработки земли, за которые вел агитацию Народный Комиссариат Земледелия, подняла веру крестьянства в агрономическую науку, пробудила огромный интерес к дальнейшим улучшениям. Кроме того, отдельными струйками и ручейками начали пробиваться ростки новой сельско-хозяйственной культуры в отдельных хозяйствах и в отдельных районах: этому способствовал переход крестьянских общин на поселки и на хутора. Улучшалось также хозяйство в тех коммунах и артелях, которые не разложились под влиянием НЭП'а. После удачи первых крупных кампаний за ранний взмет пара, вспашку под зябь, рядовой посев, засев засухо-устойчивых культур, на Юге и Юге-Востоке началась борьба за переход в массовом масштабе от трехполья к многопольной системе, получала все большее распространение культура корнеплодов, способствовавшая поднятию скотоводства, увеличению удойности молочного скота и увеличению размеров навозного удобрения, кой-где в отдельном хозяйстве пускала корни грядковая культура и ленточный засев. Тысячами путей проникали в деревню новые сведения об улучшениях обработки земли. Сельско-хозяйственные кампании Наркомзема, статьи в газетах и сельско-хозяйственных журналах, сельско-хозяйственные брошюры, удачные опыты Совхозов, агрономические лекции, сельско-хозяйственные выставки, которые стали ежегодно устраиваться по районам и во всероссийском масштабе, почин красноармейцев, прослушавших агрономический курс в казарме, почин бывших военнопленных, которые видели и усвоили более высокую сельско-хозяйственную культуру в Германии и Австрии—из всех этих источников просачивались в деревню нужные ей новые знания. Эти знания падали на плодородную почву, вспаханную великой рабоче-крестьянской революцией. Мировая война, революция и война гражданская бросали миллионы людей в разные стороны, расширили их горизонт и в корне изменили застойную, консервативную психологию русского крестьянина. Деревня проснулась не только к политической жизни, но и для новой сельско-хозяйственной культуры. Если на протяжении столетия перед этим способ обработки земли подавляющего большинства крестьян почти не изменился, то теперь в одно десятилетие произошла полная революция. Крестьянство было охвачено жаждой расширения посевной площади и увеличения урожайности, при чем голод в Поволжьи имел некоторое положительное значение в том отношении, что сильно увеличил в массах крестьянства интерес ко всем мерам, которые делают засуху менее опасной для крестьянского хозяйства.

Сильнейшим стимулом к расширению посевной площади и к поднятию урожайности явилось быстрое развитие городского товарного рынка и внешней торговли. В период военного коммунизма крестьянин не только не имел права продавать хлеб, потому что все излишки должны были сдаваться государству, но в большинстве случаев и не имел особенного интереса к такой продаже, потому что городской рынок не мог обеспечить крестьянину выбора нужных ему товаров. Рядом с недоеданием от неурожая, вследствие распада хозяйства, в деревне наблюдалось и обратное явление: стремление крестьянства потребить все, что производилось, потому что продавать хлеб и покупать нужные товары было почти невозможно или невыгодно. Теперь же каждый лишний пуд хлеба, проданный за деньги, давал возможность добавочных закупок на рынке всего, что только нужно было крестьянину. Вместе с тем, с каждым годом росли обороты внешней торговли. Крестьянство в состоянии теперь было покупать также и заграничные изделия, прежде всего, сельско-хозяйственные машины. В то же время рос спрос и росли цены на сельско-хозяйственное сырье и технические растения, особенно на лен, пеньку, шерсть, кожу и т. д. Этот спрос шел не только со стороны развивавшейся собственной промышленности, но также и со стороны промышленности иностранной. А это, в свою очередь,

оказало огромное влияние на восстановление тех культур, которые начали приходить в упадок, т.-е. прежде всего культур технических растений. Эти культуры на Севере и Северо-Западе вытеснялись в период гражданской войны культурами зерновыми, потому что льна и пеньки нельзя было продать хотя бы по ценам их производства и в то же время трудно достать было хлеб. Вместо покупки хлеба и продажи технических растений, крестьянство Севера и Севера-Запада переходило к культуре зерновых хлебов вместо технических растений. Это могло продолжаться до тех пор, пока промышленность была в состоянии развала, а для работавшей ее части хватало старых запасов, пока внешней торговли не было вследствие блокады. Наоборот, теперь началось восстановление в довоенных пропорциях переработки технических растений и торговля ими с заграницей, цены на эти продукты росли и крестьянское хозяйство указанных районов вновь стало возвращаться к культуре технических растений. А так как в голодные годы в этих районах пахотная площадь вообще была расширена по сравнению с довоенным временем, то это открывало возможность для этих районов, при условии достаточного снабжения хлебом, не только достигнуть уровня довоенной продукции технических растений, но и превзойти его. Такое перераспределение культур в сельском хозяйстве в сравнении с периодом военного коммунизма привело к тому, что Северные и Северо-Западные губернии производили экономически более выгодные технические культуры, в то время как черноземный центр, Юг и Юго-Восток специализировались на чисто зерновых культурах. Точно также восстановилась культура хлопка в Туркестане, которая в голодные годы была вытеснена зерновыми хлебами. В общем, земледелие России, благодаря неуклонному расширению посевной площади и улучшению обработки, стало увеличивать из года в год свою продукцию приблизительно на 10 %. Такое успешное восстановление сельского хозяйства обеспечило возможность развертывания промышленности на этом твердом базисе, а с другой стороны, дало возможность в широких размерах приступить к экспорту зерна заграницу.

Наибольшим препятствием к развитию сельского хозяйства в районах зерновых культур служил недостаток скота и повторные неурожаи в некоторых районах. Особенно большие опустошения в рабочем составе произвел голод в Поволжьи и на Юге Украины. Все это потребовало чрезвычайных усилий со

стороны Советской Власти в деле массовой закупки и распределения рабочего скота. Лошади покупались не только в районах кочевого скотоводства, которое также сократилось от бескормицы, но также и во всех других районах Республики. Недостаток скота имел также два совершенно различных с экономической точки зрения результата. С одной стороны, он вызвал огромный интерес у крестьянства к мотокультуре, которая с огромным успехом стала применяться на площадях Юга и Юго-Востока. Здесь возникли первые крупные сельско-хозяйственные концессионные предприятия, главным образом, германского капитала, и колониальные переселения безработных европейских рабочих. С другой стороны, увеличилась закупка Советским правительством тракторов для безлошадных крестьянских хозяйств. Было создано большое количество тракторных отрядов, которые пахали крестьянскую землю на основе определенных договоров с правительством. Недостаток мотористов был устранен, с одной стороны, благодаря притоку квалифицированных иностранных рабочих, которые эмигрировали в Россию отчасти под влиянием безработицы, отчасти по идейно-классовым мотивам; с другой стороны, путем развития профессионально-технического образования внутри России. Сначала эсеровские и народнические круги из агрономов и экономистов относились иронически и недоверчиво к возможности развития мотокультуры в России, тем более, что такие успехи хоронили все их реакционные мелко-буржуазные надежды на жизненность индивидуального мелкого хозяйства. Но годы усиленного распространения мотокультуры показали полную возможность применения ее, особенно на Юго-Востоке России, каковой район не только годен для мотокультуры по условиям местности, но кроме того лежит на пути транспорта нефти из Баку вверх по Волге.

Отсутствие скота вызвало другую, противоположную тенденцию в крестьянском хозяйстве, радовавшую сердце всех мелко-буржуазных утопистов. Там, где не было ни достаточного количества рабочего скота, ни тракторов, крестьянское хозяйство получило временно уклон к китайскому типу земледелия или типу подгородного огородничества. В этих местах стала практиковаться грядковая культура пшеницы. Плуг часто заменялся за отсутствием конной тяги железной лопатой и мотыгой. Такая культура на прекрасном черноземе давала великолепные результаты с точки зрения урожайности с каждой отдельной десятины, но с другой стороны, привела к

сокращению посевной площади и к превращению в пустыри оставлявшейся без обработки части земли. Но эта система хозяйства не могла долго удержаться. Как только хозяйство обзаводилось лошадью, оно бросало эту систему, сохранив лишь некоторые положительные стороны этой интенсивной культуры для небольшой части посевной площади.

Таким образом, мы видим, что описанный нами первый период развития сельского хозяйства заключался прежде всего в возвращении крестьянского земледелия на довоенные позиции и в ряде элементарных улучшений, не практиковавшихся в деревне до войны. Исключение представляли лишь районы, где развилась мотокультура и где крестьянству удалось перейти к многопольной системе хозяйства. В общем же и целом техническая база мелкого крестьянского хозяйства осталась прежней.

Но все это движение вперед потребовало величайших усилий от самого крестьянства и Советского правительства. Наиболее серьезная помощь была оказана Советским правительством крестьянскому хозяйству семенными ссудами, особенно в неурожайных районах, и долгосрочным сельско-хозяйственным кредитом. Этот кредит сыграл огромную роль, как для поднятия крестьянского хозяйства, особенно маломощных его слоев, так и для установления теснейшей экономической связи крестьянского хозяйства с крупной промышленностью и банковской системой Советского государства. Кредит сначала был невелик, но увеличивался с каждым годом, особенно когда к этому делу был привлечен иностранный капитал. Долгосрочный кредит осуществляло сначала при Госбанке особое отделение долгосрочного кредита. В дальнейшем, это отделение превратилось в особый сельско-хозяйственный банк на паях, в котором главную роль после Госбанка играл Наркомзем. Его пайщиками были также те тресты, продукция которых передавалась на основе долгосрочного кредита крестьянству, прежде всего трест заводов сельско-хозяйственных орудий и заводов искусственных удобрений. Сельскохозяйственный банк выдавал денежные суммы, а также и товары в натуральной форме, например, сельско-хозяйственные машины, искусственное удобрение. Когда валюта государства была еще неустойчива, для банка было абсолютно необходимо, чтобы не терять огромные суммы на падение курса рубля, получать погашение ссуды не обесценивающимися бумажками, а в виде реальных продуктов сельского хозяйства, равноценных

по стоимости выданным ссудам с процентами. Но эта форма расплаты имела смысл не только вследствие падения валюты, но она имела под собой и важное экономическое основание вообще. Система натуральных ссуд и натуральных уплат по ссудам приводила к уничтожению частных торговых посредников между крестьянством и крупной государственной промышленностью. От этой системы выигрывали обе стороны, поскольку возможная прибыль частного посредника оставалась в кармане, с одной стороны, государства, с другой—крестьянства. Такая связь крестьянства с государственной промышленностью и государственным банком сохранилась и после того, как бумажная валюта стала устойчивой. В результате, государство, помимо продналога, стало получать без всяких посредников все растущее количество сельско-хозяйственных продуктов, причем получение этих продуктов было обеспечено ему во всяком случае, даже при неособенно хороших урожаях. Это был более или менее твердый фонд, на который вместе с продналогом могла уверенно расчитывать развивающаяся промышленность. Получаемые банком сельско-хозяйственные продукты поступали, разумеется, не только в уплату за продукцию тех заводов, которые работали на крестьянство, но распределялись также между всеми промышленными предприятиями, которые имели дело с банком непосредственно, либо через торгово-промышленный банк. Получаемое от крестьянства по ссудам сырье отчасти распределялось между государственными предприятиями, отчасти шло в фонд внешней торговли. Из этого источника государственный банк получал иностранную валюту, дававшую ему возможность платить по своим обязательствам заграницей. Дело в том, что государственный банк, кредитуя крестьянское хозяйство, сам пользовался кредитом у крупнейших заграничных капиталистических фирм, особенно таких, которые сбывали в Россию товары, нужные крестьянину. Иностранный капитал, стремившийся сначала завязать непосредственные связи с деревней, вынужден был в конце-концов пойти на такую форму экономических связей с крестьянством России, которая осуществлялась *через органы Советского государства*, в данном случае, через банк долгосрочного кредита. Средства Государственного банка вместе со средствами промышленности плюс иностранный кредит и специальные займы, составили фонд для долгосрочного кредитования русской деревни. Скрепа крестьянского хозяйства с промышленностью через банковскую

систему или смычка, как ее назвал в свое время Ленин, нарастала сначала медленно и первое время была незначительна по сравнению с размерами обыкновенной торговли города с деревней через кооперацию и частный торговый аппарат. Но через несколько лет эта скрепа стала приобретать все растущее значение и оказалась более прогрессивной формой распределения, чем все другие формы обмена товарно-социалистической системы хозяйства.

В этом пункте, т.-е. со стороны торговли в кредит и со стороны кредита вообще (в том числе и мелиоративного кредита) наметился наиболее благоприятный пункт для воздействия на крестьянское производство вообще. Воздействие социалистического государства на крестьянское хозяйство, потерпевшее неудачу в форме разверстки эпохи военного коммунизма, оказалось более жизненным в этой новой форме, которая оказалась для крестьянства вполне понятной и приемлемой. *Получатель уплаты по ссудам делался постепенно контролером качества получающего продукт, и заказчиком, к запросам и требованиям которого должно было приспособляться крестьянское хозяйство.*

Вы спросите, через какие же посредствующие звенья сносился банк долгосрочного кредита с крестьянским хозяйством?

Роль таких низших звеньев играли, с одной стороны, кредитные товарищества, с другой стороны—специальные организации кредитуемых, созданные Государственным банком и его местными отделениями, организации, которые способствовали распределению кредитов и следили за уплатой по ссудам. Сначала мелко-буржуазные и реакционные народнические элементы пытались организовать кредитную кооперацию, как нечто целое, централизовать ее и противопоставить государственным органам.

Но очень скоро на практике работы обнаружилось, что верхушка этой организации, а также верхушка сельско-хозяйственной кооперации являются совершенно бесполезным балластом между государством, как производителем, и крестьянством, как покупателем сельско-хозяйственных машин, удобрений и другой продукции промышленности. Тем более, что эти верхушки занимались политиканством и способствовали не об'единению, а раз'единению между деревней и городом. Существование этих верхушек вступило в противоречие с основным принципом самой кооперации, требующим избегать всяких излишних посредников между производителями и потребителями. В данном случае, кроме того, сама кредитная кооперация имела совершенно ничтожные собственные средства и без кредита государства производителя и иностранного капитала, в особенности в период неустойчивости валюты, вообще не могла бы существовать. Кредитные товарищества, вместе с крестьянскими обществами кредитуемых и с другими видами кооперации составили тот организационный посреднический механизм, который пригонял крестьянское хозяйство к крупному социалистическому производству. Благодаря этому аппарату, а также разветвленной системе банковской инспекции, риск сельско-хозяйственного банка в его кредитных операциях с деревней сводился до минимума.

Чтобы закончить характеристику сельского хозяйства за этот период, мне необходимо сказать еще несколько слов о социальных группировках в деревне, которые наметились в это время. С переходом к новой экономической политике, классовые противоречия в деревне естественно стали обостряться. Та часть кулачества, которая не была окончательно раззорена политикой комитетов бедноты в 1918 году, начала возрождаться. Кроме того, из среды среднего крестьянства выделился слой более зажиточных элементов. Сюда входила хозяйственно наиболее крепкая часть среднего крестьянства, которая имела в достаточном количестве скот и инвентарь и в первую очередь воспользовалась всеми выгодами новой экономической политики. При открывшейся возможности торговать продуктами сельско-хозяйственного производства, кулачество и эта часть среднего крестьянства в первую голову бросились на расширение посевной площади и образовали первые кадры торгового земледелия, которое почти исчезло после Октябрьской революции. Политикой комитетов бедноты в 1918 году, начала возрождаться. больших хлебных цен именно эти слои наиболее успешно использовали благоприятную кон'юнктуру на хлебном рынке. В то время, как все крестьянство было охвачено жаждой расширения посевной площади, только эта часть деревни имела для такого расширения максимальные *материальные возможности.* Среди этого слоя в первую голову наметилась тяга на хутора, желание получить землю в собственность, а также проявилось сильнейшее стремление к улучшению обработки земли. В другом положении находилась маломощная или совсем обнищавшая часть крестьян, в большинстве случаев не имевшая лошадей. Желая сохранить во что бы то ни стало свое

хозяйство, маломощная часть крестьянства должна была нанимать лошадей, брать семена в ссуду и т. д. у первой группы, и, вследствие этого, попадала в тяжелую экономическую зависимость от зажиточных элементов деревни. Та же часть беднейшего крестьянства, которая не могла обработать своих наделов, сдавала землю в аренду тем крестьянам, которым было тесно на своих наделах. Эти слои крестьянства превращались отчасти или полностью в рабочих по найму у кулачества, либо шли в город на различные государственные работы, вроде лесозаготовок, сплава дров, ремонта железно-дорожного пути и т. д. При поддержке сельско-хозяйственного банка значительная часть маломощного крестьянства стала на ноги, превратившись в крестьян-средняков. Наоборот, другая часть скатилась в ряды бедноты и хозяйственно начала подниматься только в следующем периоде, когда началось массовое развитие полной производительной сельско-хозяйственной кооперации. Главную же массу в деревне составляли середняцкие хозяйства. Хозяйство этого основного слоя деревни чрезвычайно сильно расшаталось в период гражданской войны и повторных неурожаев, но теперь в урожайные годы этот слой начал становиться на ноги. Среднее крестьянство извлекло также некоторые выгоды от высоких цен на хлеб, хотя продавало оно очень мало, вследствие ничтожности его излишков. Этот слой проявил большой интерес к кооперации, но в деле улучшения способа обработки земли в массе своей оказался более консервативным и менее подвижным, чем первая зажиточная группа.

Это расслоение деревни и отчетливое выделение хозяйственно крепких и зажиточных элементов, а также развитие наемного труда в деревне не могли, однако, принять таких размеров и таких форм, которые привели бы в дальнейшем к организации если не крупных, то, по крайней мере, средних капиталистических хозяйств (мы не говорим, разумеется, о крупных капиталистических сельско-хозяйственных предприятиях иностранных концессионеров). Причина этого заключалась в следующем: с одной стороны, политическое господство пролетариата в городе, который поддерживал неимущие слои деревни против имущих и ослаблял эксплоатацию, которой они подвергались со стороны имущих слоев. Государственные органы законодательным путем ограничивали эксплуатацию беднейших слоев деревни, отменяли кабальные договоры и тем задерживали процесс капиталистического накопления. Затем государство осуществляло прогрессивно подоходное обложение

не только в городе, но и в деревне, и тем самым использовало капиталистическое накопление на одном из полюсов деревни, для так называемого первоначального социалистического накопления. Наконец, третьей причиной явилась медленность всего этого процесса вообще, который и в благоприятных для сельско-хозяйственного капитализма условиях растягивался обыкновенно на многие десятки лет. В данном же случае история не оставила большого срока для такого процесса, ибо во второй части рассматриваемого нами периода началось органическое влияние крупного производства города и электрофикации на мелкое крестьянское хозяйство, в результате чего начался процесс перерождения всей технической основы крестьянского хозяйства вообще. При этих условиях процесс капитализации был загнан в тупик в результате массового кооперирования сельско-хозяйственного производства. Однако, мы уже немного забегаем вперед и поэтому вернемся к рассматриваемому периоду и посмотрим еще, что сделалось с советскими хозяйствами и коллективами.

Советские хозяйства, переведенные на так называемый хозяйственный расчет, после нескольких лет развития в нормальных условиях, очень скоро стали на ноги и начали играть крупнейшую роль прежде всего в деле помощи и улучшения всего крестьянского хозяйства вообще. Почти все они производили улучшенные семена и, производя обмен своего зерна на крестьянское зерно, в сильнейшей степени способствовали поднятию урожайности крестьянских хозяйств. Они обзавелись питомниками улучшенных пород скота, и благодаря широкой сети случных пунктов сильно способствовали поднятию крестьянского животноводства. С другой стороны, период высоких хлебных цен внутри страны и на мировом хлебном рынке делал весьма выгодным приложение государственного капитала к развитию крупных зерновых хозяйств. Большие успехи сделало также пролетарское земледелие, причем многие совхозы, которые Наркомзем считал бездоходными, стали приносить доход после того, как они были переданы в эксплоатацию фабрикам и заводам. Правда, стихийное стремление заводов обзаводиться во что бы то ни стало собственными земельными хозяйствами ослабело с того момента, когда общий хлебный голод в стране был ликвидирован и когда цены на продукты крупной промышленности по сравнению с хлебными ценами достигли почти довоенных отношений. Рабочие Совхозы в дальнейшем получали уже не столько экономическое, сколько гигиениче-

ское значение, обращаясь в пункты связи промышленности с земледелием и очаги летнего отдыха для городских рабочих и их детей.

Большое значение приобрели новые Совхозы на окраинах, где государство пустило под обработку большую площадь пустовавшей до того земли и где было создано также несколько крупнейших животноводческих хозяйств, которые служили источником увеличению конского состава для крестьянского хозяйства и в больших размерах производили сырье для внешней торговли. Это строительство крупных хозяйств особенно усилилось, когда обнаружились успехи первых крупных концессионных хозяйств иностранного капитала на Юге и Юго-Востоке России, которые, после отчисления, согласно договорам, от 10 до 15 % своей продукции государству, все же оставляли их владельцам очень большой доход.

Из 15.000 коммун и артелей, которые насчитывались вначале рассматриваемого периода, часть разложилась, при чем некоторые из бывших коммунаров превратились в очень исправных и прогрессивных хозяев зажиточного типа. Другая часть коллектива сохранилась до того момента, когда, в связи с влиянием крупной промышленности и электрификации, началась массовая тяга к кооперированию во всем крестьянском хозяйстве.

Таким образом, на протяжении первой половины рассматриваемого периода крестьянское хозяйство России не только достигло довоенного уровня продукции, но и перевалило через него.

Однако, в течение первого десятилетия крупная пролетарская промышленность подчинила себе крестьянское хозяйство главным образом через обмен (торговля, долгосрочный кредит) и лишь в небольшой степени на производственной почве, через Совхозы. Более существенные перемены начались лишь во втором десятилетии; как это произошло, мы скажем ниже, после того, как рассмотрим то, что делалось в области государственной промышленности.

Промышленность Советской России за десятилетия НЭП'а.

Лекция седьмая

В настоящей лекции мы рассмотрим с Вами, как развивалась промышленность в Советской Республике в течение первого десятилетия, так называемой, новой экономической политики.

После перехода от военного коммунизма к НЭП'у именинниками оказались прежде всего те государственные предприятия, которые могли чем-либо торговать на вольном рынке. Наоборот, тяжелая индустрия Советского государства продолжала еще оставаться в очень тяжелом положении, поскольку она продавала на вольный рынок лишь небольшую часть своей выработки, большую же часть продукции отдавала или, если хотите, продавала государству и государственным предприятиям, которые были весьма неаккуратными плательщиками. В особенности же в тяжелом положении оказался транспорт, доходы которого были значительно меньше расходов. Дефицит транспорта при дефиците во всем государственном бюджете не покрывался полностью, и восстановление основного капитала транспорта подвигалось крайне медленно. Однако и начавшие торговать области промышленности, при ничтожной покупательной способности населения, одно время вновь начали проситься на лоно государственного снабжения, т.-е. попросту просили уделить им часть рессурсов, которые получало государство путем продналога, денежных налогов и выпуска бумажных денег. К этому же периоду относятся вопли хозяйственников о так называемом кризисе сбыта. Урожай 1922 года изменяет картину. В связи с урожаем увеличился спрос в деревне на продукты промышленности, и торгующая, т.-е. фактически большая часть государственной промышленности, увеличивает свои рессурсы из источников вольного рынка. Кризиса сбыта как не бывало. Наоборот, начались крики о товарном голоде, о том, что деревня берет все нарасхват, что промышленности не хватает сырья.

С другой стороны, продналог собирался более успешно, и государство, имея на содержании сокращенную армию и уменьшенный бюрократический аппарат, в состоянии было полностью удовлетворить потребности промышленности в продуктах сельского хозяйства, сталкиваясь иногда здесь тоже со своего рода «кризисом сбыта». В этот период национализация крупной промышленности и транспорта сыграла колоссальную роль для развития всего хозяйства страны вообще, поскольку правительство из государственных средств поддерживало такие общественно необходимые отрасли, как транспорт, топливная промышленность и металлургия, которые, будучи предоставлены судьбе рынка, не только развалились бы окончательно, но и потащили за собой в пропасть всю остальную промышленность. Огромное значение имела также поддержка электрической промышленности и постройка новых электро-станций. Государственная промышленность этого периода получала необходимые ей сырьевые, топливные и продовольственные рессурсы из двух источников: путем закупок на вольном рынке и путем закупок у государственных предприятий и самого государства, поскольку государство располагало большими рессурсами от продналога. Продукция промышленности также распределялась на две части: на ту часть, которая продавалась на вольном рынке, и ту, которая продавалась государству и государственным предприятиям. Эти отношения купли и продажи внутри предприятий государственного круга, хотя и носили внешне капиталистическую оболочку, но по существу были лишь особой формой распределения ценностей внутри социалистического круга. Для понимания этого периода, как и дальнейшей эволюции социалистической промышленности, прежде всегда необходимо различать две стороны: *связь крупной промышленности через рынок с необобществленной частью хозяйства, и связь на основе купли и продажи государственных предприятий друг с другом.* Государственные предприятия, сообразно этому, делились на две группы: те, которые *большую часть* необходимых им элементов производства получали путем обмена веществ с не национализированной частью хозяйства на основе частного рынка, и те предприятия, которые большую часть своей продукции оставляли *внутри социалистического круга,* безразлично, государству ли бесплатно, или государственным предприятиям за плату. Крайними примерами обоих типов были: мануфактурная фабрика, которая всю или почти всю продукцию продавала на вольном

рынке и там же покупала все сырье, а ее рабочие—все продовольствие; крайним примером другого типа был, например, какой-либо завод военного снаряжения или паровозо-строительный завод, который почти всю продукцию оставлял внутри государственного круга и лишь на очень небольшие суммы что-либо продавал или закупал на вольном рынке. Чтобы определить степень связи с вольным рынком всей социалистической промышленности в целом, надо было бы суммировать все купли и продажи государственных предприятий, совершенные с необобществленной частью хозяйства, и сравнить их с суммой взаимных сделок государственных предприятий друг с другом и с государством. Такой анализ обнаружил бы огромное различие в положении предприятий первого и второго типа и двойственность в положении тех предприятий, которые приблизительно одинаково были связаны как с государством, так и с частным хозяйственным кругом. Предприятия, которые существовали *главным образом* обменом веществ с частными хозяйствами, конечно, находились в полной зависимости от своих рынков сбыта и рынков сырья, т.-е. от состояния крестьянского хозяйства, т.-е. от урожая. Вторая же группа зависела прежде всего от размеров продналога и от свободных средств государства, которые могли быть даны для поддержания тяжелой промышленности и транспорта, рынком для которых являлось само государство или государственные предприятия, работающие на рынок. Государство являлось здесь главным источником покрытия дефицитов, как обстояло дело с транспортом; либо оно являлось единственным рынком сбыта, как это имело место с военной промышленностью; либо оно являлось собирателем капитала для нового строительства, как обстояло дело с постройкой новых электрических станций. Правда, и размеры продналога также зависели в последнем счете от урожая, но не так непосредственно, как в первом случае, поскольку продналог собирался также и в неурожайные годы, когда у крестьян для закупок продуктов работавшей на рынок промышленности оставалось очень мало рессурсов.

Во всяком случае, в 20-х годах положение промышленности было таково, что груз тяжелой индустрии и транспорта был не по плечу той части промышленности, которая работала на рынок. Этот груз рухнул бы и задавил и легкую индустрию своей тяжестью, если бы государство не пришло на помощь тяжелой промышленности теми рессурсами, которые оно получало путем налогов натуральных и денежных с необобще-

ствленной частью хозяйства, т.-е. прежде всего с мелкого производства. В этот период промышленность вырабатывала лишь около одной 5-й части своей довоенной продукции, тогда как доходность крестьянского хозяйства, ремесла и кустарной промышленности сократилась лишь в два раза в сравнении с довоенным уровнем. Политическая власть в руках пролетариата была, таким образом, могущественным фактором для перераспределения всего национального дохода, была фактором поддержки крупного производства из рессурсов менее разрушенного мелкого хозяйства. В этот период закончились постройки также крупнейших электро-станций вроде Каширской, Кизеловской, Уткинской, Волховской гидро-станции и ряда более мелких. Разумеется, такое восстановление основного капитала тяжелой индустрии без поддержки государства было бы абсолютно невозможным. Так, при помощи государства тяжелая промышленность продержалась до лучших времен. Одновременно с этим легкая промышленность, работавшая на крестьянский рынок, благодаря урожаям и поднятию покупательной способности крестьянства, сама стала более платежеспособной. Она имела теперь возможность уплачивать полностью за перевозки транспорту, за топливо угольным трестам, за машины и оборудование механическим заводам, за электрическую энергию электро-станции и с этого конца оказала поддержку тяжелой индустрии.

Но промышленность в первые годы развивалась все же медленней, чем это можно было бы ожидать при наличии того огромного толчка вперед, который ей давали успехи земледелия. В самом деле. Если, благодаря успешному сбору продналога—с одной стороны и усилившемуся товаро-обороту с деревней, с другой, промышленность в состоянии была переработать сырья на 200—300 миллионов золотых рублей больше, чем в предыдущие годы, то это означало возможность расширения промышленности не на эту, а на гораздо большую сумму, поскольку эта цифра в процессе переработки и прибавления ценностей удваивается и утраивается (пример: сырая кожа покупается, допустим, за 10 золотых рублей, а выделанные из нее кожаные вещи стоют, скажем, 50 рублей и т. д.). Однако, развертывание промышленности задерживалось вследствие того, что, после создания оборотного капитала, ей пришлось восстанавливать свой основной капитал и значительно повышать из года в год заработную плату. Что же касается увеличения числа работающих предприятий, то здесь расширение было еще более медленно, так как промышленность этого периода, вследствие неполной нагрузки отдельных предприятий, давала очень дорогой продукт, несмотря на низкую заработную плату. Задача хозяйственных органов заключалась не столько в том, чтобы пустить в ход как можно больше предприятий, сколько в том, чтобы заставить работать полным ходом уже работающие. Эта концентрация производства привела к удешевлению цен на промышленные продукты и весьма усилила обмен веществ между городом и деревней. Быстрое расширение количества работающих предприятий началось только тогда, когда относительно начали падать хлебные цены.

Посмотрим теперь, как развертывались за это десятилетие отдельные отрасли промышленности с точки зрения количественных размеров выработки.

Наиболее быстро стали восстанавливаться, разумеется, отрасли, работавшие главным образом на крестьянский рынок и не требовавшие особенно больших затрат на восстановление основного капитала. Довольно быстро восстанавливалась текстильная промышленность и часть железо-делательной, работавших для деревни. Но мануфактурная промышленность очень скоро столкнулась с другим препятствием—с недостатком хлопка. Хлопководство в Туркестане восстанавливалось гораздо медленнее, чем мануфактурная промышленность. Государству пришлось закупать огромными партиями хлопок заграницей. На эти закупки отдана была значительная часть золотых резервов Республики. В дальнейшем же судьба текстильной промышленности оказалась в полной зависимости от успеха нашей внешней торговли. Затруднение увеличивалось от того, что наша нефтяная промышленность несколько лет оставляла очень небольшие излишки для вывоза заграницу, и главными экспортными товарами были лес, пушнина, платина и во все растущем количестве хлеб. Что касается льна, пеньки и животноводческого сырья, то внешняя торговля этими товарами начала развиваться лишь после того, как крестьянская продукция этого сырья стала превышать потребности собственной промышленности.

Что касается топливной промышленности, то Донецкий бассейн за 5 лет достиг довоенных размеров продукции, Уральский, Сибирский и подмосковные копи значительно превысили ее. Добыча торфа была выше довоенной уже в начале этого периода, и в связи с рядом изобретений в области добычи и сжигания торфа эта отрасль промышленности быстро шла в гору.

Нефтяной кризис 1923 и 1924 гг. был ликвидирован, как благодаря увеличению продукции собственными средствами, так и при помощи иностранных концессионеров. Значительно усилилась добыча нефти в Эмбенском районе. Металлургическая промышленность восстанавливалась одновременно с успехами каменно-угольной промышленности. Металлургия Юга достигла уровня довоенной продукции раньше Урала, который, вследствие хищнических истреблений лесов в предыдущий период, оказался в тупике, и только благодаря соединению его железнодорожной магистралью с Кузнецким районом, начал развиваться на основе кузнецкого кокса. В первое же десятилетие началась разработка вновь открытых медных залежей в Богословском районе и железной руды в районе Курской аномалии.

Механическая промышленность развивалась в двух направлениях: в области сельско-хозяйственного машиностроения и в области производства орудий производства для индустрии и транспорта. Так как главным недостатком заводов сельско-хозяйственных орудий было то, что они вырабатывали машины самых различных систем, то основная задача здесь заключалась в унификации производства. Достигнуть этого было тем более трудно, что специальных заводов по выработке сельскохозяйственных машин в России было немного, и сельско-хозяйственным машиностроением большинство механических заводов занималось, как побочным делом. Постройка же новых заводов требовала больших специальных средств, которыми государство не располагало. В это же время начало налаживаться производство тракторов. Другая часть механической промышленности, которая работала на самую промышленность и транспорт, развивалась первое время главным образом за счет рессурсов государства, от которого получало постоянные субсидии. Главным центром ее, кроме Юга, были Петроград и Урал, поскольку для Петрограда топливная проблема была разрешена постройкой Волховской гидро-станции. Транспортная промышленность уже в первые десятилетия достигла довоенного уровня. Точно также, при поддержке английского капитала, было восстановлено судостроение для внутренних водных путей. Что касается морского транспорта, то, вследствие дешевизны фрахтов английского флота и возможности покупки нужных судов заграницей создание собственного торгового флота для Советской России оказалось нецелесообразным. Большие успехи в России сделала аэропланная промышленность, которая развилась при содействии германского капитала. В области химической промышленности следует отметить за этот период быстрый рост производства искусственных удобрений. Больших размеров достигла разработка фосфористых залежей Вятской, Костромской, Тульской, Орловской и Черниговской губерний. Эти разработки, начатые сначала полукустарным способом, превратились постепенно в одну из важнейших отраслей нашей промышленности вообще, которая работала не только для внутреннего потребления, но и для экспорта. Следует отметить также постройку в Сибири маслобойных заводов для переработки в массовом масштабе кедрового ореха.

Положение транспорта в начале этого периода было самым трагическим. Транспорт—это та отрасль, которая может поддерживаться и развиваться лишь при достаточном полнокровии всего хозяйственного организма и при оживленном обмене веществ внутри его. Он существует и развивается за счет жировых отложений капитала в остальном хозяйстве. Между тем, в начале рассматриваемого периода вообще вся промышленность еле держалась на ногах. Тем хуже приходилось транспорту. Начавший разрушаться уже со второго года мировой войны, он жил в годы революции растратой своего основного капитала и страшной эксплоатацией рабочей силы. Кроме того, он был по количеству верст пути непропорционально велик для того уровня всего хозяйства, которое давало по промышленности одну пятую, а по земледелию половину довоенного национального дохода. Улучшение с продналогом и с финансовыми рессурсами государства, а также увеличение доходов легкой промышленности, работавшей на рынок, развитие торговли вообще и платного грузового движения увеличили рессурсы транспорта. Некоторую поддержку транспорту оказали также небольшие железнодорожные займы заграницей, главным образом в форме необходимых железнодорожных материалов. Возрождение транспорта в его целом в первые годы оказалось невозможным. Сначала пришлось восстанавливать наиболее важные магистрали, ведущие к портам и связывающие столицы с Югом, Кавказом и Сибирью. Остальная сеть стала подниматься лишь в следующую очередь и притом довольно медленно. Новое железнодорожное строительство началось лишь на пятом году новой экономической политики и выражалось главным образом в том, что достраивались прежде начатые линии и под'ездные пути. В это же время начал постепенно развиваться автомобильный и авиационный транспорт.

Еще в начале новой экономической политики езда на автомобилях была доступна лишь очень узкому кругу лиц, прежде всего так называемым «комиссарам», о которых вы читаете теперь так много в исторической литературе о великой революции. Простому рабочему эта машина была недоступна. Но уже в половине десятилетия каждый завод и фабрика имели автомобили не только для грузовых перевозок и для поездок администрации, но и для обслуживания также рабочих и их детей. Автомобиль также стал постепенно вытеснять извозчиков, сделав езду на лошадях в конце десятилетия в крупных центрах роскошью или забавой.

Теперь мне остается сказать несколько слов об успехах электрификации за этот период. Если бы вы знали, товарищи, в какой нищете жила страна во время революции, если описать вам ежедневное меню среднего рабочего и его семьи, вы бы поняли, каким героизмом, какой дерзкой храбростью в борьбе с разрухой было со стороны республики приступить уже в этот период к осуществлению плана электрификации. Всякие новые сооружения, которые дадут производственный результат лишь через несколько лет, могут осуществляться лишь в обществе, где накопление идет достаточно успешно, где часть прибавочной стоимости (если дело идет о капитализме), или избыточного продукта (если дело идет о социализме), может быть отвлечена от текущих затрат на поддержание рабочей силы и воспроизводства в старых размерах на новые постройки. В Советской России с 20-х годов таких излишков, конечно, не было. Наоборот, самые элементарные потребности ее населения и в частности рабочего населения не были удовлетворены. При таких условиях постройка новых районных электрических станций означала вычет из голодного бюджета рабочего и крестьянина во имя будущего, была великим массовым жертвенным порывом народа в его стремлении вперед. План электрификации Советской России был расчитан на 10 лет. Но в первоначальном виде он не был осуществлен за этот срок, хотя с другой стороны было осуществлено в этой области кое-что, непредусмотренное планом. В частности, после постройки электро-станций: Шатурской, Каширской, Уткиной заводи, Кизеловской, Волховской гидро-станции под Петроградом, были затем построены районные электрические станции: Донецкая, Нижегородская, Челябинская, заново электрифицирован Бакинский район, построена станция на Днепровских порогах и т. д. Кроме того, специально организованное Русско-Германское транспортное общество приступило к изысканию постройки электрической сверхмагистрали Берлин, Москва, Иркутск, Владивосток, которая требовала сооружения ряда новых электро-гидро-станций по линиям магистрали. Кроме того, усиленно развивалась мелкая электрификация. Каждый уездный город считал делом своей чести иметь небольшую электро-станцию, обслуживающую ближайшие деревни, если не мог включиться в сеть ближайшей районной электро-станции.

Все эти новые электро-станции начали оказывать огромное влияние как на экономическую жизнь, так и на социальные и бытовые отношения Республики. Электрификация того периода, даже в тех размерах, которые нам кажутся теперь ничтожным в сравнении с нашими достижениями, привела: 1) к огромной экономии в топливе во всех предприятиях, которые были переведены на электрическую энергию; 2) к огромной экономии транспорта, освободившегося от перевозки лишних десятков миллионов пудов дров, каменного угля и нефти (большинство электро-станций работало на местном топливе, т.-е. на местном угле, торфе, сланцах и т. д.); 3) к огромному сбережению рабочей силы в предприятиях, где была осуществлена после электрификации механизация труда и грубый физический труд заменялся машиной (колка и пилка дров, погрузка и разгрузка и т. д.). По приблизительному подсчету уже за этот период электрификация давала экономию ежегодно более, чем на один миллион годовых рабочих сил.

Этим я закончу пока рассказ о состоянии промышленности и в следующей лекции остановлюсь на положении рабочего класса и на системе распределения того периода.

Система заработной платы. Подготовка квалифицированных рабочих. Красные инженеры.

Лекция восьмая

Положение рабочего класса при новой экономической политике улучшалось по мере восстановления промышленности и сельского хозяйства. Уже в первый год НЭП'а, когда число рабочих на фабриках было сокращено и введена в большинстве случаев сдельная плата, заработки рабочих повысились и положение их в сравнении с предыдущими годами несколько улучшилось. Вам непонятна теперь эта мерка, если я скажу, что средняя заработная плата в начале этого периода была равна от 10 до 15 золотых рублей (тогда считали в золотых рублях по довоенным ценам, переводя курс бумажных денег и паек на золотые довоенные рубли). Но этот заработок выплачивался неаккуратно. Когда транспорт не справлялся с перевозками и распределительный аппарат Наркомпрода делал ошибки, когда бумажные деньги во время не подвозились на окраины, либо их не хватало—рабочий не получал даже и этой мизерной заработной платы в срок. Правда, еще в начале НЭП'а ряд услуг рабочий получал даром (квартира, вода, освещение, проезд, обучение детей, газеты и книги и отчасти увеселения). Но затем за все это, кроме обучения детей, была введена плата и соответственно была повышена заработная плата, хотя в большинстве повышена не в достаточной пропорции. После урожая 1922 года положение рабочих еще несколько улучшилось, и это было не только сезонное улучшение. Надо вам сказать, что в годы гражданской войны положение рабочих, сезонно улучшалось, в связи с сбором продналога осенью и зимой, и ухудшалось весной и летом, когда собранных по разверстке сельско-хозяйственных продуктов оказывалось недостаточно. Теперь была уже достигнута известная равномерность в распределении государственных рессурсов на протяжении всего года. В то же время важнейшие продукты, которые приходилось приобретать рабочим, т.-е. прежде всего продукты питания (за исключением жиров) относительно по-

низились в цене, отойдя от голодных цен времени гражданской войны. Дальнейшие годы были годами непрерывного улучшения положения рабочих. Каждый новый шаг промышленности вперед означал не только увеличение оборотного капитала в предприятиях, возможность расширить дело и ремонтировать оборудование, но и давал известные рессурсы для увеличения заработной платы. В общем, реальная заработная плата увеличивалась ежегодно процентов на 10—15.

Между прочим, в это время наметилось характерное отличие метода распределения товарно-социалистической системы хозяйства в сравнении с чисто капиталистической системой. При капиталистической системе перепроизводство влекло за собой обыкновенно приостановку и сокращение производства, пока лежащие без движения товары на складах не рассасывались в обороте. Наоборот, при национализации крупной промышленности такой метод распределения был не всегда обязательным. Кроме платежеспособного вольного рынка и платежеспособного рынка государственной промышленности имелся потребительский рабочий рынок. И, например, в случае перепроизводства, допустим, мануфактурной промышленности, государство имело возможность то, что не могло быть продано на вольном рынке, распределять между всем рабочим классом в кредит заработной платы. Как существует система кредита, когда средства расходуются в счет будущих доходов предприятия, так здесь государство выдавало аванс рабочим потребителям в счет будущего дохода всего хозяйства. Опираясь то на одну «социалистическую», то на другую «буржуазную» ногу и маневрируя таким образом, оно разрешало проблему кризиса сбыта следующим образом. Продукция предприятий, изготовляющих средства потребления, делилась на ту часть, которая находила платежеспособный спрос на вольном рынке и на ту часть, которая поступала государству для увеличения фонда реальной заработной платы. Тем предприятиям, которые выработали этот, с капиталистической точки зрения, «излишек», государство выплачивало в зависимости от своих рессурсов или полную стоимость этого излишка, или же просто давала субсидию на продолжение производства в том же об'еме. Эти покупки «излишков» или эти субсидии государство делало из тех рессурсов, которые у него оставались за вычетом расходов на бюрократический аппарат. Экономически подобное решение вопроса облегчалось еще и потому, что приплата государства его же собственным предприятиям, имевшим переработку,

шла главным образом на приобретение сырья. А эта часть, как я уже говорил выше, всегда ниже стоимости готового продукта, выработанного из этого сырья. Главное затруднение здесь заключалось не в том, чтобы социалистически разрешить отчасти кризис сбыта путем перепродажи излишка государству, а в том, чтобы государство всегда имело достаточный резервный фонд для субсидий развивающейся промышленности. Эта проблема же разрешалась по мере того, как увеличивалась та доля государства в национальном доходе, которую оно получало от мелкого производства. Так наши деды научились постепенно использовывать одновременно и выгоды социалистических отношений хозяйства и тех капиталистических форм, для ликвидации которых еще не наступило время.

Приблизительно также был разрешен вопрос и о «перепроизводстве» орудий производства. В рассматриваемый нами период часть государственных предприятий систематически изготовляла больше машин и металла, чем могла купить другая часть, в виду недостатка основного и оборотного капитала. Государственное хозяйство как-будто бы запутывалось в тенетах капиталистических форм калькуляции. Но так как оборотный и основной капитал не падает с неба, а создается в процессе производства самой же промышленности, то задача государства и здесь заключалась в том, чтобы разрубать это противоречие между капиталистическими формами калькуляции и реальными возможностями развития производства, прибегая к резервам своего государственного фонда. Государство и здесь давало необходимые субсидии на закупку орудий производства тем заводам, которые не имели для этого свободных средств, либо давало субсидии производящим орудия производства предприятиям в счет их продукции. Здесь мы подошли к вопросу о том, как сложилось в это время центральное руководство всем государственным хозяйством. Но об этом более подробно мы скажем ниже.

Таким образом, уже тогда крупная социалистическая промышленность начинала непосредственно служить целям улучшения положения работников и увеличения их потребления. Правда, находить равновесие между тем, что можно и нужно отдать в фонд потребления рабочих и что нужно капитализировать для расширения основного и части оборотного капитала, было все же весьма затруднительно. Государственное хозяйство этого периода боролось с такими же гамлетов-

скими сомнениями, как и тот человек, у которого нет ни ботинок, ни брюк, а деньги есть для покупки чего-нибудь одного.

Если рабочие Советской России уже во второй половине первого десятилетия новой экономической политики начали питаться и одеваться не хуже, чем до войны, и их реальная заработная плата сравнялась и частью превысила заработную плату европейских рабочих, то в области жилищ дело обстояло гораздо хуже. Увеличение населения городов резко отставало от процесса восстановления разрушенных жилищ и нового строительства. В капиталистическом обществе, определенная часть капитала всегда отливала в область ремонта домов и нового строительства. Так было и у нас до войны. За время войны и революции не только прекратилось всякое новое строительство, но не было даже средств для текущего и среднего ремонта. Разрушение домов было так велико, что несмотря на огромное уменьшение городского и прежде всего рабочего населения в период голодных годов, наличных годных зданий для жилья не хватало даже для этого сильно уменьшенного городского населения. В первые годы восстановление в жилищном деле началось прежде всего с ремонта существующих построек, новое же строительство было очень небольшим. Это новое строительство началось прежде всего в Москве, где с большой торжественностью было заложено впервые несколько новых огромных рабочих домов, построенных затем согласно требованиям последнего слова жилищной техники. Окончание этих первых построек было крупнейшим праздником не только для пролетариата Москвы, который в них собирался жить, но и для всей республики. Однако, ни эти сравнительно немногочисленные постройки, ни усиленный ремонт старых домов не могли разрешить жилищного кризиса. По мере восстановления промышленности не только возвращались в города рабочие, сбежавшие в деревню в голодные годы, но и началась тяга в город безработного крестьянского населения из тех слоев, которым не удалось восстановить своего хозяйства. Тяга из деревни в город увеличилась также вследствие земельного голода и перенаселения, которое начинало чувствоваться в деревне. Кроме того, строительство и ремонт городов привлекал массу строительных рабочих из деревни.

Несмотря на то, что делу восстановления городов очень сильно помогла организация специальных строительных акционерных обществ, пайщиками которых были те рабочие и служащие, которые расчитывали получить квартиры в но-

вых строющихся домах, несмотря, наконец, на привлечение иностранного капитала в строительную промышленность, кризис не был ликвидирован и о размерах его вы можете судить по газетным статьям, которые можете разыскать в наших архивах. Правительству пришлось тогда создать под большими городами много рабочих дачных поселков деревянной стройки, которые сохранились, как вы знаете, и до сих пор, а вместе с тем пришлось провести ряд трамвайных линий в районы этих поселений.

Вообще же, как вы знаете, вопрос о судьбе больших городов получил не совсем то решение, которое намечалось в социалистической литературе капиталистического периода, очень много писавшей о так называемой урбанизации деревни. Разрушить большой город, рассеять его по деревенским полям не удалось технически и в некоторых отношениях оказалось нецелесообразным и экономически. Конечно, все ненужные наросты большого города были перенесены в его окрестности и деревни. Вы знаете, что за последнее полустолетие в этом отношении сделано было довольно много. Но вы также знаете, что мы этой работы далеко не закончили, и еще неизвестно, когда и чем она кончится. Тем фабрикам, которые не могут быть перенесены к источникам сырья, выгоднее работать в большом городе в кругу целого ряда других фабрик, от которых получается все необходимое для производства (кроме сырья), и продукция которых часто находит свое применение как раз в большом городе. Разрыв этой единой огромной мастерской, какой является большой город, оказалось экономически часто вредным. Кроме того, как культурные центры, большие города лишь отчасти могли быть заменены, несмотря на все успехи радио-передачи. Поэтому, естественно, что решение проблемы стали искать прежде всего в транспорте, а не в разгроме больших центров. Уже в то десятилетие, о котором мы говорим, на транспорт было обращено огромное внимание. Тогда, правда, сообщение той же Москвы с подгородними районами производилось главным образом по железным дорогам, по подгородним электрическим путям, на автомобилях, аэропланное же сообщение не имело массового применения, как теперь. Но это лишь суживало зону той периферии Москвы и подмосковного района, где могли жить десятки тысяч рабочих, пользуясь летом всеми благами дачных мест.

Если теперь рабочий может жить за сто верст от Москвы и летать туда утром и вечером на пассажирском аэроплане, то

в то время он жил максимум в тридцативерстной полосе, сообщаясь с Москвой по ж. д. или по трамвайной линии. Рабочие тогда научились не тратить даром время, которое у них уходило на переезды, и обыкновенно прочитывали за этот промежуток последние газетные новости. О квартирной нужде того времени вы можете судить по фотографиям, которые сохранились в музее революции и отчасти из картин наших исторических художников в Третьяковской галлерее.

Теперь посмотрим, как уже тогда зарождалась та система социалистического распределения, которая существует у нас, и которая и у нас, к сожалению, еще не соответствует коммунистическому идеалу: каждый по способностям, каждому по потребностям.

В период военного коммунизма была сделана смелая попытка (отчасти под влиянием экономической необходимости) перешагнуть через низкий культурный уровень масс и ввести систему уравнительного пайкового снабжения. Между пайком самого квалифицированного рабочего и чернорабочего почти не было никакой разницы. Первое время была очень небольшая разница между вознаграждением рабочего и инженера, рабочего и самого ответственного советского работника, не исключая народных комиссаров. Каждое предприятие получало продовольствие пропорционально количеству занятых в нем рабочих, вне всякой зависимости от размеров выработки предприятия. Предприятие получало одинаково, выработало ли оно 100% заданий или только 10%. Что же касается распределения внутри фабрики или завода, то здесь рабочий, дававший максимальную выработку, получал столько же, сколько рабочий, дававший минимальную выработку. Этот опыт распределения правильней считать не попыткой полусоциалистического распределения, а скорее способом чисто физического поддержания пролетариата в известный период гражданской войны. При таком подходе к вопросу распределение периода военного коммунизма предстанет перед нами уже совсем в другом виде, и с точки зрения задачи физического поддержания класса (не поддержания производства и его развития) эта система, пожалуй, оправдала себя. Но эта система не могла продержаться долго даже в период военного коммунизма. В некоторых отраслях требовалось поднять производство во что бы то ни стало, как, например, в военной промышленности, лихорадочно работавшей для фронта. При недостатке рессурсов пришлось выделить так называемые ударные отрасли и ударные предприятия. Эта ударность потом была распространена кроме промышленности и на ряд других отраслей. Фронт равенства в распределении заработной платы был таким образом прорван еще до начала новой экономической политики. Кроме того, постепенно введена была сдельщина, поднята оплата специалистов; в тарифной сетке было около двух десятков разрядов. Еще более резко проявилось неравенство в положении холостых рабочих и семейных. В период военного коммунизма существовало детское питание, которое распространялось также на буржуазные элементы. При НЭП'е это детское питание было совсем почти уничтожено, дети рабочих оказались поэтому на содержании не государства, а своих родителей. В результате, разница между положением холостого рабочего высшей квалификации, и между положением семейного чернорабочего была весьма велика. А так как оплата труда специалистов за это время сделала еще больший скачок вперед, то крайние полюсы оплаты различались между собой в несколько десятков раз. Кроме того, к неравенству *внутри предприятия* прибавилось еще неравенство *между предприятиями*. Начатый еще в период военного коммунизма отбор предприятий по степени важности для всего хозяйственного процесса продолжался, но продолжался уже чисто стихийно. Нужными с точки зрения вольного рынка оказались предприятия, вырабатывавшие товары, на которые был максимальный спрос. Если предприятие не поддерживалось государством, как весьма нужное, независимо от того, дает ли оно дефицит, или нет, то вопрос о его нужности разрешался по усмотрению рынка. У рынка же предприятия были не на одинаковом счету: были любимчики, были и пасынки. Были предприятия, которые приносили большую прибыль, и были и такие, которые еле сводили концы с концами или не сводили их. Первые в состоянии были оплачивать рабочих и технический персонал гораздо лучше, чем вторые, и они воспользовались предоставленным им правом изменять тарифные ставки в сторону повышения. Таким образом, если распределение эпохи военного коммунизма считать равенством, то по Гегелевской триаде первые годы НЭП'а были полным отрицанием этого равенства, были крайней ступенью неравенства и, если угодно употреблять моральной термин, распределение тогда было крайне несправедливо. Но это неравенство было совершенно необходимым на данной ступени. Личная заинтересованность каждого работника в увеличении выработки стимулировалась, правда, чисто буржуазным методом; зато такой

метод распределения заставил всех подтянуться в сравнении с периодом, когда промышленность находилась на социальном обеспечении у государства и трудовая дисциплина совсем расшаталась. Лозунгом этого периода было: расширение производства во что бы то ни стало с наименьшими издержками, увеличение количества продуктов в стране какими угодно средствами. При нищете страны, низком культурном уровне и при неподготовленности к иной системе распределения, означающей большое равенство, другого исхода не было. Неравенство этого периода было оправдано тем, что производительность труда действительно возросла и наиболее тяжелый период был пройден.

Но успехи производства и увеличение государственных доходов как раз создали такие условия, при которых неравенство в распределении начало понемногу рассасываться. В течение первого десятилетия этот процесс неособенно далеко пошел еще вперед, но основные очертания его уже выяснились в полной определенности. Посмотрим, как все это происходило.

Когда начали увеличиваться рессурсы государственной промышленности и когда налоги стали поступать в больших размерах, в первую очередь был гарантирован минимум заработной платы. Возросшие рессурсы государства и государственной промышленности давали возможность повысить заработную плату вообще. Однако, Советская власть и профессиональные союзы ставили себе задачей, повышая заработок всех категорий, относительно больше повышать заработок наиболее плохо оплачиваемых слоев. Затем, на уменьшение неравенства внутри рабочего класса влияло и то, что, по мере успеха электрификации, применение грубого физического труда стало вообще сокращаться. Это перераспределение рабочих сил между квалифицированными группами и чернорабочими приводило к тому, что все большая часть бывших чернорабочих превращалась в работников при машинах и получала более высокую заработную плату. Таким образом успехи электрификации автоматически приводили к уравнению материального положения рабочих. Затем, огромное влияние имело развитие системы технического образования рабочих. Каждый рабочий подросток, проходивший техническое обучение, знакомился в основном с несколькими профессиями. Дети чернорабочих и дети эмигрировавших из деревни в город крестьян обучались на равных основаниях с детьми рабочих квалифицированных.

Уровень квалификации всех рабочих выравнивался, и те молодые рабочие, которые прошли техническую школу, не могли уже оплачиваться как чернорабочие, даже в том случае, когда их назначали на черную работу.

Что касается неравенства оплаты между рабочими и техническим персоналом, то это неравенство также начало сглаживаться, поскольку бывшие технические школы заполнялись студентами исключительно из рабочих факультетов, а в дальнейшем—рабочей молодежью из низших и средних технических школ. Это повело за собой постепенное перерождение ткани всего кадра специалистов в стране. Новые красные рабочие-инженеры смотрели на себя лишь как на более квалифицированных работников в сравнении с остальными пролетариями и не претендовали на такую оплату их труда, которую требовали буржуазные специалисты. И когда государство и профессиональные союзы поднимали заработную плату прежде всего низко оплачиваемых слоев, то это не вызывало протеста со стороны кадра рабочих инженеров.

Неравенство между семейными и холостыми, достигшее наименьшей точки в тот период, когда было почти ликвидировано детское питание и массами закрывались детские сады, колонии, ясли и т. п., стало теперь сглаживаться с каждым годом, благодаря новым успехам социального воспитания. В первые года НЭП'а государство, обладавшее ничтожными рессурсами для дела народного образования, естественно, не только не могло субсидировать новых детских домов, приютов и т. д., но отказывало даже в средствах тем, которые уже возникли. По мере успехов в промышленности и увеличения государственных налогов здесь наступил резкий перелом. С каждым годом все большая часть государственного бюджета уделялась на дело народного образования и прежде всего—на дело образования рабочих детей. Стало быстро увеличиваться количество детских учреждений, и постановка дела в них с каждым годом все улучшалась при активной поддержке профессиональных союзов и отдельных фабрик и заводов. Детское питание было восстановлено в полном об'еме. Дети стали снабжаться со сто-

роны государства, но и учебными пособиями, одеждой, игрушками и т. д. Все это означало прогресс не только в области социального воспитания, которое в период военного коммунизма было больше мечтой, чем действительностью, но означало также выравнивание в материальном положении семейных и холостых. Теперь семейный рабочий не был вынужден большую часть своего заработка тратить на детей, потому что этим детям почти все необходимое давало само государство.

Прежде чем перейти к организационной структуре Советского хозяйства этого периода, я еще должен осветить один важный факт из истории этого времени, это кризис квалифицированной рабочей силы. Когда промышленность быстро разваливалась и в тот период, когда она *только начала* подниматься, кризис рабочей силы не давал себя резко знать. Правда, был момент, а именно осенью 1920 года, когда как-будто бы обнаружился недостаток квалифицированной рабочей силы. Но это было очень временное затруднение, потому что и расширение промышленности тогда было также очень временным. Другое положение создалось, когда после нескольких лет новой экономической политики началось систематическое расширение промышленности. Тогда обнаружилось, что наша промышленность не могла бы достигнуть довоенных размеров уже по той простой причине, что более половины квалифицированных рабочих совершенно исчезла: часть вымерла естественным путем, часть погибла на фронтах, часть попала на ответственную работу в государственном аппарате, часть безнадежно осела в деревне. С другой стороны, произошло значительное понижение квалификации всей рабочей силы вообще. Подготовка рабочих и рабочей молодежи для квалифицированного труда происходила в ничтожных размерах, не покрывая даже естественной убыли. А, между тем, теперь требовалось, не только покрывать ежегодно естественную убыль, но и давать новые кадры для расширяющегося производства. Из этого кризиса республика вышла двумя путями: во-первых, путем эмиграции из Западной Европы значительных кадров квалифицированных рабочих, которых гнала в Росссию свирепствовавшая в Западной Европе безработица. Главный же выход заключался в том, что в этот период с величайшей энергией и быстротой была создана огромная сеть школ фабрично-заводского ученичества, программа которых была значительно расширена в ее обще-образовательной части. Так как рабочих под-

ростков города не хватало для заполнения вновь организованных школ, то государству пришлось провести ряд мобилизаций среди крестьянской молодежи, направить, кроме того, в эти школы детей из городских мелко-буржуазных слоев и так называемых интеллигентных профессий. Это удалось осуществить не без борьбы, потому что дети интеллигенции пытались в массе прорваться в высшие школы даже в тех случаях, когда по своим способностям они не имели для этого никаких данных в сравнении с отборными кадрами пролетариата. Потребовалось несколько лет, чтобы достигнуть известного равновесия между количеством квалифицированных рабочих, которых выпускали тысячи этих школ, и тем количеством, которое требовалось для обслуживания развертывающейся промышленности. Заполнение этой бреши в самом теле пролетарского класса, естественно, на значительный срок задержало осуществление того пункта коммунистической программы в области просвещения, который требует общего и политехнического образования для всей молодежи до 17 лет. Эта программа начала осуществляться полностью лишь двумя десятилетиями позже.

Организация государственной промышленности.

Лекция девятая

Вопрос о системе организации и управления промышленностью этого периода имеет огромный интерес: во-первых, мы впервые в истории видим здесь комбинацию двух систем хозяйства, социалистической и капиталистической; комбинацию социалистического руководства с рыночно-капиталистическим регулированием. Равновесие в хозяйственной системе достигалось здесь на основе этих двух начал одновременно. Просматривая экономическую литературу этого времени, мы можем видеть, что некоторые весьма убежденные коммунисты этого периода не всегда отдавали себе отчет не только в неизбежности, но и выгодности комбинации при известных условиях обоих методов. Был момент, когда некоторые хозяйственники отказывались от принципа социалистического регулирования, ошибочно полагая, что этот метод и метод капиталистический исключают друг друга *при всяких условиях*. Они рассуждали так: раз попытка социалистического управления промышленностью потерпела неудачу в период военного коммунизма, то на сцену должно появиться исключительно капиталистическое регулирование, которому не надо мешать, которому надо дать дорогу, иначе не будет никакого регулирования. В действительности же оказалось, что максималистская постановка вопроса, абсолютно правильная в области политической (либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата), не оправдалась на практике в таком упрощенном виде для области экономических отношений. Исторически мы имели в России комбинацию социализма с капитализмом в области хозяйственной, при диктатуре пролетариата в области политической, постепенное подчинение низшей капиталистической формы более высокой социалистической и затем полную победу последней. Правда, этот процесс не был только эволюционным, потому что капиталистическая форма пыталась оказать сопротивление также и в области политической и была

разбита, как увидим ниже. Но это поражение капиталистической формы потому и произошло, что она полезла в драку с социализмом после того, как вплелась и переплелась с социалистической системой, заняв в ней свое место в качестве низшей экономической формации.

Рассматриваемый период интересен и потому, что в это десятилетие достаточно выяснилось, какие капиталистические формы и методы являются более жизненными и лишь постепенно заменяются более совершенными социалистическими, и какие отпали, как старая чешуя линяющей змеи, как только пролетарская промышленность более или менее стала на ноги. Во всяком случае, опыт показал, что социализм мог успешно пользоваться многими капиталистическими формами (капиталистическая калькуляция) и категориями простого товарного производства (деньги) много времени спустя после того, как была уничтожена политическая власть класса, который представлял все эти формы в их совокупности. Опыт показал также и нечто другое. Он показал (как и на примере с последовательной демократией), что многие проблемы экономического характера, выдвинутые самим капитализмом и даже осуществимые капиталистическими методами, не могли быть проведены в жизнь, пока у власти стоял капиталистический класс.

Хозяйственное строительство в описываемый период шло в значительной мере ощупью. Из наследия военного коммунизма отбрасывалось то, что практически начинало мешать, из капиталистических форм бралось то, что было явно полезно для данного времени. И это было хорошо. Благодаря такой осторожности не были выброшены из социалистических методов такие, которые начали играть важную роль в дальнейшем. С другой стороны, из капиталистических форм было взято лишь все самое нужное, без подчинения хозяйства всем бурям и ветрам рыночной стихии.

Начнем с самого верху. Какие органы регулировали хозяйственную жизнь вообще и в частности руководили крупной государственной промышленностью?

На верху мы видим одновременно и Государственную общеплановую комиссию (Госплан), и Государственный банк. Первый орган—это головной мозг социалистического хозяйства, второй—если это сравнение подходит, спинной мозг в мире капиталистической стихии (головной мозг, как известно, вообще не свойственен капиталистическому хозяйству). Не-

которым хозяйственным работникам казалось в этот период, что Госбанк должен вытеснить Госплан, превратив его в свою плановую комиссию. Это было в разгар усвоения социализмом тех капиталистических методов, которые были подходящи для данного момента. Преувеличения были тогда естественны. Но Госплан остался, и роль его стала увеличиваться с каждым годом. Остался и Госбанк, и роль Госбанка стала также увеличиваться. Но разница между ними оказалась та, что Госплан существует и теперь, как вы знаете, тогда как Госбанка уже нет. Когда мы теперь рассматриваем на длинном историческом промежутке наше экономическое прошлое, для нас делается ясной роль того или другого учреждения. Госбанк должен был организовывать и приспособлять капиталистические отношения к социализму, доделывая отчасти в новой обстановке то, чего не доделал наш мало развитой капитализм, и затем подставлять капиталистические элементы под руководство социализма, конкретно—под руководство Госплана. Задача Госбанка при диктатуре пролетариата состояла в том, чтобы провокаторски предавать капитализм социализму, действуя капиталистическими методами. Задача же Госплана состояла в том, чтобы приспособлять представляемый им социализм к существовавшим в стране капиталистическим и товарным отношениям, пытаясь овладеть ими. Для характеристики роли этих двух орагнизаций, которые представляли два исторически разные типа хозяйства, можно было воспользоваться знаметым сравнением Платона о двух лошадях, о духе и теле, впряженных в одну колесницу. Госбанк и Госплан, подобно коренному и пристяжной, были впряжены в одну телегу, и тот, кто управлял коренником, тем самым управлял и пристяжной. Но хороший кучер знает, что иногда надо лошадям дать мчаться вперед, пока они снова не будут взяты в вожжи. В этот период капиталистическая пристяжная также стремительно рвалась вперед, пока ее не обуздал коренник со своим кучером. Необходимо, однако, помнить, что под Госпланом я разумею здесь не столько конкретное учреждение, помещавшееся тогда на Воронцовом поле, 7, а все социалистические начала в хозяйстве вообще. Точно также и Госбанк есть для нас лишь собирательное понятие организующего начала в области капиталистической стихии. Прежде, чем Госбанк и Госплан как следует размежевались и каждый занялся тем делом, к которому был признан способным, прошло некоторое время. Был период, когда многие хозяйственные организации пытались

уйти из-под контроля Госплана и других органов государственного регулирования, и сам Госплан был в достаточной степени дезавуирован. Равным образом и Госбанк лишь через несколько лет после своего основания, лишь после стабилизации валюты и предоставления ему права государственной эмиссии занял диктаторское место в сфере капиталистического регулирования хозяйства.

Конкретно вся картина представляется теперь в следующем виде.

Государственный банк начал свои операции со средствами, совершенно недостаточными для финансирования промышленности, полуразрушенной, лишенной всяких оборотных средств и к тому же столкнувшейся в начале с кризисом сбыта. Точно также совершенно ничтожны были те средства, которые мог выделить банк для финансирования крестьянского хозяйства, требовавшего огромных сумм для долгосрочного кредита. Кроме того, вследствие резкого и непрерывного падения валюты основной капитал банка быстро обесценивался, и тем самым в корне подрывался самый финансовый рычаг, который должен был оказать активное воздействие на хозяйственную жизнь страны. Только непрерывная поддержка государства спасла банк от неизбежного краха. При таких условиях банк, естественно, мог оказывать кредит лишь тем предприятиям, которые имели шансы на существование и обещали вернуть данные ему ссуды. Явно безнадежные предприятия, которые в период военного коммунизма получали средства для существования на-ряду со здоровыми и за их счет и прикрывали собой ту дыру, через которую бесполезно текли государственные средства,—эти предприятия умерли теперь естественной смертью, либо были вынуждены в корне изменить свою организацию и сводить концы с концами. Замена сметного снабжения банковским финансированием сыграла несомненно огромную положительную роль, приучая предприятия к строгой отчетности, экономии в издержках, коммерческой безубыточности в ведении дела, подвижности. Но эта система имела и отрицательные последствия. При такой системе предприятия, важные для всего хозяйства, но убыточные с капиталистической точки зрения, при финансировании, естественно, оттирались на задний план, являясь неособенно желательными клиентами Госбанка. Только вмешательство Госплана, т.-е. вмешательство социалистического разума, обеспечивало таким предприятиям возможность держаться, причем власть

стихии была все же так велика, что предприятия, коммерчески выгодные, но имеющие ничтожное значение с обще-хозяйственной точки зрения, оказывались в лучшем состоянии, чем государственно важные предприятия. В газетах этого времени, на протяжении многих лет новой экономической политики, мы встречаемся постоянно с жалобами на то, что тяжелая индустрия находится в критическом положении, тогда как легкая промышленность процветает.

Стремясь спасти себя от банкротства и в интересах наиболее целесообразного распределения государственных средств, Госбанк не только был вынужден делать естественный отбор предприятиям при финансировании их, но уже при падающей валюте пытался сделать свои операции, если не прибыльными, то, по крайне мере, безубыточными. Поэтому он требовал уплаты процентов и части ссуды в натуральной форме, выговорил себе право участия в прибылях финансируемых предприятий, сам занялся комиссионной торговлей. Ближайший стимул к этому, как мы видим, был преходящим, потому что был вызван условиями падающей валюты. Однако, в дальнейшем эта система удержалась и по другим мотивам. Дело в том, что уплата натурой, особенно в области сельско-хозяйственного кредита, ведет постепенно к устранению частного посредника между государством и крестьянством, что приводит к уменьшению издержек на аппарат распределения в стране. Точно также по линии экономического развития лежало участие банка в прибылях, и более тесная его связь с финансируемыми предприятиями. Такая связь помогала государству из финансового центра протянуть руки к тем вожжам, которые в период НЭП'а выпали из рук Высшего Совета Народного Хозяйства, вследствие чего государственная промышленность оказалась без руля и ветрил. Участие в торговле имело огромное значение потому, что, в виду упадка значения крупной промышленности в экономике всей страны, увеличился удельный вес мелкого производства, которое связывается в единое целое со всем хозяйственным организмом, прежде всего, путем торговли. Финансируя торговлю во всех ее видах, Банк приобретал огромное хозяйственное влияние на неорганизованное мелкое производство. С другой стороны, при такой структуре хозяйства, когда крупная промышленность еще слаба, торговля является наиболее действительным орудием накопления капитала *за счет мелкого производства*. Банк не только не должен был устраняться от всего этого, а наоборот, должен всемерно усили-

вать свою роль в торговле, подчиняя ее тем косвенно «социалистическому разуму» и осуществляя капиталистическое по форме накопление для социалистической казны.

Вся эта организующая деятельность банка в сфере частного хозяйства и работающего по капиталистическим методам государственного хозяйства, естественно, наиболее полно развернулась при стабилизации валюты и после получения банком права эмиссии. Стабилизация рубля была достигнута в Советской России гораздо раньше, чем можно было ожидать, принимая во внимание ужасающее состояние денежного обращения в самом начале новой экономической политики. Стабилизация была достигнута благодаря ликвидации бюджетного дефицита. В бюджете же стали сводиться концы с концами, благодаря аккуратному поступлению продналога и всех денежных налогов, вследствие уменьшения числа дефицитных предприятий и увеличения числа доходных, вследствие дальнейшего сокращения бюрократического аппарата и, наконец, благодаря восстановлению экспорта заграницу хлеба и сырья. Когда было достигнуто равновесие бюджета, технически упорядочить стабилизированную валюту не стоило большого труда. Старые деньги были обменены на новые полноценные бумажные рубли, разменной монетой для которых служила металлическая серебрянная монета. Одновременно с этой операцией право эмиссии от государственного казначейства было передано государственному банку, который до этого времени имел право выпуска только банкнот, обеспеченных золотом и иностранной валютой. Право эмиссии дало возможность Государственному банку стать могучей экономической силой во всем хозяйстве страны, сделаться финансовым мозгом в сфере денежного обращения. Произошло это следующим образом. Когда валюта падала, накопление в денежной форме было невозможно, наличные деньги обращались со стремительной быстротой и даже расширение товарооборота не могло при таких условиях оказывать заметного влияния на увеличение потребности в денежной массе. При стабилизации валюты, быстрота оборота денег остро пала, что означало увеличение потребности в деньгах во всем хозяйстве страны. Если в период быстрого падения валюты, благодаря быстроте оборота денег стоимость всей бумажной массы страны спускалась до сорока и ниже миллионов в золотых рублях, то теперь потребности оборота и потребности накопления исчислялись сотнями миллионов золотых рублей. Для удовлетворения этих но-

требностей была необходима дополнительная эмиссия твердой валюты, которая означала в то же время огромное увеличение денежных рессурсов того, кто эту эмиссию деллал. Богатые плоды этой эмиссии достались Госбанку и в огромной степени увеличили его финансовую мощь. Увеличивавшийся из года в год товарный оборот страны, а также спрос на Советские рубли заграницей в результате развития внешней торговли приводил к тому, что, несмотря на увеличение всяких средств безденежных расчетов, требовалось увеличение массы средств обращения. Эту ежегодную добавочную эмиссию делал теперь Государственный банк, собирая эти сливки с обращения, нисколько не колебля курса рубля. Кроме того, увеличивали финансовую мощь Госбанка так называемые сезонные эмиссии. Дело в том, что Россия, как преимущественно земледельческая страна, испытывала очень большие колебания в своей потребности в денежных знаках в период реализации урожая и в этом отношении сильно отличалась от индустриальных стран. В промышленных странах производимые товары поступают на рынок более или менее равномерно на протяжении всего года. Наоборот, огромная земледельческая страна выбрасывала на рынок осенью гораздо большую часть своей продукции, чем в другие периоды года. В этот период нужда в средствах обращения увеличивалась в огромной степени, сельскохозяйственные продукты дешевели, деньги приобретали большую покупательную способность. Наоборот, весной и в первой половине лета наблюдалось обратное явление, т.-е. уменьшение средств обращения. Получив право эмиссии, Госбанк блестяще использовал для аккумуляции капитала эти сезонные колебания рыночной и валютной кон'юнктуры. Осенью, когда все товаропроизводители в деревне добивались денег и стремились избавиться от товаров, Госбанк, наперекор стихии, широко использовал свое право эмиссии в пределах потребностей денежного обращения. Госбанк выбрасывал в обращение сотни миллионов полноценных рублей, финансируя хлебную торговлю и скупая на многие десятки миллионов различные продукты сельского хозяйства. Весной же и летом, когда наступало валютное похмелье, и выпущенные в большом количестве осенью бумажные деньги могли привести к падению курса рубля, в этот период, когда не товар ищет денег, а деньги товар, Госбанк опять выступал, наперекор стихии, и распродавал при благоприятной кон'юнктуре все, что дешево закупил осенью. Когда стихия, следовательно, требовала товара,

Госбанк давал теперь товар, выкачивая из обращения излишние суммы денег и оставляя в нем лишь тот излишек по сравнению с прошлым годом, которого требует расширившийся за год оборот. Это регулирование сезонных колебаний на денежном и товарном рынке обеспечивало банку огромную прибыль, которая ежегодно увеличивала его оборотные средства.

При твердой валюте мощь банка увеличивалась также благодаря росту его доходов от ссудных операций. Вместе с тем, в условиях устойчивой валюты, стала быстро возрастать вкладная операция. Банк опирался уже теперь не только на собственные капиталы, но и на капиталы всех вкладчиков во всех своих отделениях и в подчиненных ему кредитных институтах, превращаясь в центр всего денежного накопления, которое происходило в стране. Валютные, комиссионные, посреднические, вкладные и прочие операции, участие в смешанных отраслях с иностранным капиталом и участие в прибылях государственных трестов, все это сделало банк в течение первых десятилетий огромной силой, значение которой еще больше возросло в период так называемого грюндерства, т.-е. основания новых предприятий. В противоположность капиталистическим странам того периода существования капитализма, когда он был полнокровным и развивался, Советская Россия в рассматриваемый период обладала очень небольшими средствами для нового строительства. Если в упомянутых странах всегда образовывались жировые наросты капитала, которые не рассасывались в производстве, вследствие чего образовывался избыточный капитал, увеличивалось его предложение и падал учетный процент, то в России наоборот восстанавливающаяся промышленность и земледелие целиком поглощали весь прирост новых ценностей. И промышленность и земледелие все время страдали от недостатка капитала для расширения производства. Это в огромной степени усиливало влияние банка на каждое отдельное предприятие, крепко привязанное к нему на канате кредита. Что же касается новых предприятий, то основание их без участия банка было почти совсем невозможно, если, разумеется, предприятие не основывалось иностранным капиталом. Вследствие этого, банк не только обеспечил себе учредительскую прибыль, но и приобретал влияние на управление предприятиями. А вместе с тем, тот факт, что новые предприятия не могли быть основаны помимо Госбанка, давал возможность государству осуществлять свой хозяйственный план, поощряя организацию только таких новых предприятий, возникновение которых было целесообразно с точки зрения этого плана.

Частный торговый и промышленный капитал сначала был очень слабо связан с банком. Получить ссуду частному лицу было очень трудно, потому что у Госбанка не хватало средств для наиболее важных предприятий. Вначале этот кредит частному хозяйству оказывался больше из принципа, чем ради непосредственных практических результатов. К тому же, частные предприниматели и торговцы еще не были кредитоспособны: они еще не имели достаточного имущества, которое служило бы залогом для банковских ссуд, и только что еще начинали обрастать шерстью. Однако, постепенно и здесь, после ряда банкротств, выделился ряд более устойчивых предприятий. Эти предприятия ищут кредита в Госбанке, потому что ссудный процент у денежных ростовщиков, вследствие общего недостатка капитала в стране, колеблется от одного до трех процентов в день. Эти предприятия получают теперь кредит в Госбанке и финансовой веревкой оказываются привязанными к той общехозяйственной пирамиде, которая возглавляется Госпланом. По мере усиления фактической мощи Госбанка и всего государственного кредита в целом, по мере увеличения его роли в частном хозяйстве, банк не только делается понемногу орудием регулирования этой области хозяйства, но иногда и топором социалистического государства, который обрубает в частном хозяйстве то, что вредно хозяйству государственному. Правительству не нужно издавать приказа о закрытии того или иного частного предприятия, существование которого является почему-либо нежелательным для государства. Банк убивает это предприятие отказом в кредите, убивает на законнейшем капиталистическом основании, как убивают сотни предприятий крупнейшие банки буржуазных стран. Но в огромном большинстве случаев уже одной угрозы отказа в кредите было достаточно, чтобы финансирующиеся в банке предприятия начали работать так, как это было нужно государству.

В капиталистических странах банковая система делала командирами над экономической жизнью страны тех, кто являлся командиром над банками. В эпоху финансового капитала банки распоряжаются не только лично им принадлежащими капиталами, но и всем избыточным капиталом страны. В результате, на сбережения французского крестьянина, рабочего, мелкого буржуа, чиновника строится железная до-

рога где-нибудь в другой части света, открываются новые предприятия, причем вкладчиков совершенно не спрашивают, считают ли они нужными эти постройки или нет. Мощный Государственный банк Советского правительства, с его разветвленной сетью провинциальных отделений и зависимых от него подсобных кредитных учреждений также получил фактическую возможность распоряжаться всеми свободными средствами частного хозяйства, которые вносились в кредитные учреждения в виде вкладов. Какой-нибудь кулачок из Тульской или Курской губерний, понявший бессмысленность хранения своих денег в собственном «земельном банке»—погребе, нес их в отделение Госбанка, кредитное товарищество или ссудо-сберегательную кассу в целях получения процентов. Но эти вклады, составлявшие сотни миллионов золотых рублей по всей России, в банке зря не лежали. Они шли теперь через Госбанк в ссуду Советской промышленности и транспорту, употреблялись на постройку очередной электрической районной станции, увеличивали оборотный капитал органов государственной торговли, служили для долгосрочного сельско-хозяйственного кредита и т. д. Словом, капиталы кулачков служили теперь делу расширения социалистического производства.

Так капиталистическое накопление в стране делалось орудием социалистического накопления.

Но это делалось не только через банк, не только косвенно, но и прямо. Государственные налоги—денежные, натуральные, накладываемые на мелкое производство и частное хозяйство вообще, включая и концессионное, служили той же целью. Кроме того, государственная промышленность и государственная торговля извлекали часть прибавочной стоимости от мелкого производства в форме торговой прибыли. Эта прибыль главным образом получалась от мелкого производства не только путем внутренней торговли, но путем торговли внешней, поскольку главным и монопольным торговцем хлебом и сырьем на внешнем рынке были государственные органы. А там, где торговлю вел частный русский или иностранный капитал, доход государства получался в форме ввозных и вывозных таможенных пошлин. Сначала многим казалось, что когда станет на ноги государственная промышленность, наладится государственная торговля и окрепнет государственная банковская система, налоги можно будет ликвидировать, заменив их соответствующей прибавкой к продажной цене товара. Это было бы возможно, если бы в экономике страны остались только две величины: государственная промышленность и мелкое крестьянское производство. Но пока существовали еще частная промышленность, ремесленники и кустари, конкурирующие с крупной государственной промышленностью, поскольку значительная часть торговли находилась в руках частного, в том числе иностранного капитала, и поскольку, наконец, существовал концессионный капитал внутри страны—при всех этих условиях подобный метод был неосуществим. Надбавка на цену товара давала бы возможность получать добавочный доход не только государству, но и его капиталистическим спутникам и конкурентам переходного периода. Эта мера была осуществима лишь в той области производства, которая исключительно находилась в руках государства. В результате эта система была полностью проведена лишь гораздо позже, когда для этого создались все необходимые социально-экономические предпосылки.

Таким образом, получаемые государством ценности по своему происхождению были двоякового рода: доход от государственной промышленности, с одной стороны, и отчуждение известной части доходов от необобществленного производства, прежде всего от крестьянского хозяйства—с другой. Обе эти части возрастали, хотя совершенно различным темпом. Первая часть возрастала медленнее, чем вторая. В сущности, первое время доход от промышленности заключался в акцизах, налогах и в процентах по ссудам Государственного банка. А так как субсидии государства промышленности превышали сумму этих доходов от промышленности, то промышленность в целом был дефицитной, если придерживаться капиталистической калькуляции. Промышленность поднималась в значительной мере за счет мелкого производства, хотя одновременно она и ему, в лице крестьянского хозяйства, также помогала стать на ноги. Та часть ценностей, которую государство получало от мелкого производства, служила главным источником для внесения планомерности в государственное хозяйство. За вычетом издержек государства на армию, бюрократический аппарат, просвещение и культурные расходы, ежегодно оставалась определенная сумма, которая шла на расширение производства и на новое строительство. Задача Госплана, В. С. Н. Х., Госбанка и Торгово-Промышленного банка заключалась в том, чтобы дать этим средствам наиболее целесообразное употребление (сюда присоединялись также и заграничные государ-

ственные займы, которые, впрочем, не были велики). Хозяйственные органы должны были знать, в каких пропорциях должны были развертываться отдельные отрасли производства и сообразно этому утверждались производственной программы трестов и целых отраслей промышленности. Здесь государству приходилось преодолевать, если можно так выразиться, инерцию капиталистических способов калькуляции и целого ряда предрассудков капиталистического ведения хозяйства. При двойственной системе хозяйства, когда наиболее целесообразны были комбинированные методы регулирования, капиталистический рассудок упорно навязывал руководителям хозяйства какой-либо капиталистический предрассудок. Так было, например, с так называемым кризисом сбыта. когда выход подсказала не капиталистическая практика, а социалистическое понимание всего хозяйственного процесса в целом и интересы рабочего класса. Избытки производства предметов потребления шли на увеличение потребления рабочего класса и обеспечивали более высокую производительность труда на следующем этапе. Этот кризис сбыта заставил, с другой стороны, выяснить более или менее точно все продовольственные и сырьевые потребности всего государственного хозяйства, что, с одной стороны, побудило государство к более быстрой организации своего собственного крупного земледелия, а с другой стороны, заставило выяснить, в каком направлении предстояло регулировать крестьянское хозяйство, какие культуры и где развивать, какие свертывать и т. д.

Также был постепенно разрешен кризис с оборотными средствами промышленности и с восстановлением ее основного капитала. Когда капиталистический метод расчетов между трестами и отдельными отраслями производства грозил в некоторых пунктах затормозить самый процесс развития отдельных отраслей, государство вмешивалось и пробивало образовавшуюся пробку. Оно поддерживало нужные отрасли из своих резервов и не допускало того, чтобы фетишизм капиталистических форм расчета, во власти которых находились отдельные предприятия или отрасли промышленности, становился на пути развертывания всей промышленности в целом.

Точно также и организация долгосрочного кредита для деревни в размерах, которые были бы немыслимы ни для какой капиталистической системы хозяйства, были проведены не только и не столько по соображениям непосредственной прибыльности этих операций для ближайшего времени, сколько

для обеспечения сельско-хозяйственной базы крупного производства на будущее время и фактического привинчивания всего крестьянского хозяйства к крупной промышленности. Этот долгосрочный кредит, в свою очередь, разрешал, хотя и с другого конца, кризис сбыта.

Тот факт, что главными в некоторых отраслях, монопольным производителем продуктов промышленности было государство и что в его руках и в руках кооперации и смешанных обществ была главная часть оптовой торговли страны, этот факт позволил государству регулировать цены в такой мере, как если бы государство вело плановое хозяйство на основе капиталистического способа распределения. Рынок, с его капризами и стихийными волнами под'ема и упадка цен, отчасти на основании изучения потребностей мелкого производства, отчасти, вследствие той власти над ним, которую дает двойная монополия производства и торговли продуктами крупной промышленности, постепенно перестал быть источником сюрпризов для планового хозяйства. Он оказался постепенно приученным к социализму. Ограничение власти рынка шло двумя путями, путем овладения им на основании его собственных законов и путем распределения части ценностей помимо него: коллективное премирование предприятий из государственного фонда заработной платы, поступление ссуд по долгосрочному кредиту помимо рынка и распределение ссуд в натуральной форме без посредников, запродажа крестьянам товара в кредит зимой и весной под будущий урожай, новые плановые стройки вне всякого влияния рыночной кон'юнктуры на распределение свободного государственного капитала и т. д.

В результате такого регулирования необобществленной части производства и руководства другой огосударствленной, т.-е. на основании комбинированных методов планового руководства, с одной стороны, капиталистической калькуляции и учета рынка—с другой, новая товарно-социалистическая система хозяйства, которая сложилась у нас в период НЭП'а, обнаружила гораздо большее равновесие частей, чем это было доступно когда-либо чистому капитализму. Это руководство и регулирование не были еще социалистическими, но были в то же время и экономически и исторически более высокой формой в сравнении с последними. Например, сильнейшие тресты и синдикаты в Америке в состоянии были регулировать сбыт, цены и отчасти производство в отдельных отраслях, но зато равнодействующая во всем хозяйстве складывалась как

стихийный продукт их взаимной борьбы, при чем все преграды к расширению производства, которые связаны с существованием института прибыли, а следовательно, с необходимостью определенного платежеспособного спроса, не могли быть устранены. Наоборот, смешанная форма регулирования и руководства хозяйством в Советской России соединяла в себе все возможности чисто капиталистического регулирования с методами планового хозяйства, что обеспечивало широкую возможность для беспрепятственного и быстрого развития производительных сил всего хозяйства в целом.

В рассматриваемый нами период частное хозяйство страны вообще и мелкое производство в деревне в особенности были втянуты в орбиту влияния крупной промышленности и государственного регулирования главным образом через торговлю, во-первых, и через кредит, во-вторых, т.-е. со стороны обмена. *Такая связь еще не ведет к органическому перерождению мелкого крестьянского хозяйства в другую, более высокую форму производства, но вплотную, однако, подводит к ней.* Крестьянское хозяйство начинает органически перерождаться и включаться в общую систему хозяйства, как его составная часть, лишь тогда, когда оно привинчивается к крупной промышленности не только со стороны обмена, но и со стороны производства. Это включение крестьянского хозяйства в общую систему государственного хозяйства могло происходить, с одной стороны, путем «включения» целых деревень в провода районных электрических станций, что должно было приводить к резкому изменению всего уклада производства и всего трудового быта деревни даже и в тех случаях, когда пахота не производилась непременно электроплугом. Во-вторых, это происходило на основе распространения тракторной обработки земли. Государственные тракторные отряды в 8—10 машин, уже сами по себе являлись передвижными крупными хозяйствами, которые своей работой на крестьянских полях связывали крестьянство с крупным производством, дающим эти тракторы, ремонтирующим их, снабжающим их жидким топливом и квалифицированными рабочими. Но связь намечалась не только на этом пути. Крестьянское хозяйство попадало в зависимость от крупного государственного хозяйства, когда оно получало удобрение с государственных химических заводов, когда получало улучшенные семена из соседнего совхоза, когда пользовалось государственным случным пунктом и т. д. Оно зависело, наконец, от крупного производства при больших, дорого

стоющих мелиорациях, которые были неосуществимы без помощи государства. Если присоединить к этому влияние государственной и кооперативной торговли, государственного долгосрочного кредита, при котором часть урожая крестьянства оказывается запроданной государству за несколько лет вперед, т.-е. если к производственным влияниям прибавить вышеописанное влияние через обмен, то все это вместе взятое уже позволяет говорить о крестьянском хозяйстве «*в социалистическом окружении*».

Но это были лишь тенденции. В описываемый же нами период развитие в этом направлении только еще намечалось. Машинная обработка не достигла сколько-нибудь широкого распространения внутри крестьянского хозяйства, районные электрические станции, намеченные планом электрофикации, не все еще были построены, а из построенных не все еще связались с крестьянским хозяйством. В этом периоде поэтому «социалистический разум» добирается до крестьянского хозяйства лишь косвенно: через банковскую систему, государственную кооперативную торговлю, кредит, производственную и агрикультурную деятельность Наркомзема. Но уже в этом периоде в целом ряде пунктов намечается, кроме «смычки» с крестьянским хозяйством через обмен, *смычка* через производство. Этот последний процесс составляет содержание второго и более длительного периода, в котором Госплан не только через капиталистические вожжи Госбанка, но и через электрический провод районной станции включает деревню в орбиту планового хозяйства.

Новые формы оплаты труда. Бунт Нэп'а против пролетарской диктатуры.

Лекция десятая

Нам, людям, живущим пятьдесят лет спустя после описываемого периода, не вполне понятна психология того времени. 20-е годы нам всем рисуются годами величайшего героизма как в области военной, так и затем и в области хозяйственной. Поколение наших дедов мы склонны рассматривать в едином ослепительном, ярко-красном свете, в героических тонах. Одним словом, поэзия без прозы. От этой психологической ошибки трудно бывает отделаться даже историку, когда он приступает к изучению документов эпохи и хочет уловить тонус тогдашней жизни, быт, пестроту реальной исторической картины. Вам, например, трудно поверить, что великие дела этой эпохи совершали люди с такими слабостями, недостатками, иногда преступными наклонностями, почти всегда с необычайно низким культурным уровнем, как это было в действительности, поскольку мы говорим об общей массе, а не об отдельных единицах или небольших группах. В хронике газет этого времени: «Правде», «Известиях», «Рабочей Газете», «Бедноте» и др. вы рядом с каким-нибудь историческим декретом или известием о таком начинании, плодами которого мы пользуемся до сих пор, вы встретите извещение о расстреле группы граждан за похищение двух ящиков спичек из вагона, о суде над взяточниками, из какого-либо хозяйственного органа, о спекуляциях советских работников из бывших купцов и промышленников, вопли о воровстве государственного имущества и т. д. Самый замечательный поэт этого времени, Демьян Бедный, пишет полные сарказма и негодования слова про «совдуров» (советских дураков, которые дают водить себя за нос всяким жуликам из советских учреждений), вы прочтете в газетах того времени статьи талантливого публициста бытовика Сосновского о какой-либо афере буржуазных специалистов, вы натолкнетесь с изумлением на статью Троцкого о том, что надо чистить сапоги и не бросать окурков на пол. Мало того, вы мо-

жете прочесть о преступлениях даже самих коммунистов, на которые большинство толкала ужасающая нужда. С одной стороны, великое дело строительство социализма и героическая борьба за него с оружием в руках, с другой—присвоение двух пудов казенной муки. Является ли это преступление слишком большим и позор сделавшего бесконечным в сравнении с великим делом, за которое этот человек борется; или, наоборот, величие дела слишком безгранично в сравнении с ничтожеством преступления? Оценка со стороны общественного мнения позднейших поколений пошла по второй линии. Но если даже мы восстановим реальную обстановку того времени и поставим все на свое место, если выдержим пропорции света и тени, то это отнюдь не заставит разочароваться в оценке этой эпохи. Наоборот. Я лично думаю, что если тысяча людей строит огромный мост, то эта тысяча достойна большего удивления, если она состоит не из здоровых и сытых, а из голодных, больных людей, с язвами на руках и ногах, спорящих из-за кусочка хлеба. То же и с социалистической стройкой. Когда эту стройку делают люди, сами испорченные капитализмом, с психологией, которая представляет из себя поле сражения между «вчера» и «завтра», люди, которые в массе несут на себе все варварство капитализма и ту некультурность, в которой он держал народные массы, то это лишь увеличивает наше изумление перед эпохой.

Так обстояло дело с людским материалом при восстановлении государственной промышленности. Коммунисты не учились перед этим ни руководить предприятиями, ни торговать, ни вести банковское дело. Всему этому научились в процессе работы, как перед этим научились строить армию, управлять ею и побеждать. Здесь только, вследствие сложности самого дела, процесс растянулся на больший срок. Первое время масса бывших торговцев, предпринимателей и просто ловкачей всякого свойства обкрадывала государство, вела дело как им было выгодно, и т. д. Но постепенно эти кадры были выброшены из государственного аппарата; из специалистов выделился слой надежных и честных людей, а, с другой стороны, значительная часть самой коммунистической партии поступила в обработку через высшую школу, специальные школы и курсы, проходила курс практиканства при существующих органах государственной торговли и промышленности. Затем, по мере того, как обнаруживалось, что частная торговля и промышленность не имеют особенно большого простора для развития, а главное, не имеют будущего, лучшие представители побежденного класса уже сознательно и за совесть начали работать для государства. Особенно благоприятная реакция произошла здесь после неудачи буржуазно-кулацкого восстания, которое произошло в конце рассматриваемого периода и о котором более подробно мы скажем ниже. В промышленности же решающее значение получили инженеры из рабочих, которые строили государственную промышленность, как свое родное дело, при поддержке части инженеров-специалистов, понявших дух времени, понявших, что социалистическое государственное производство выше по своему типу капиталистического, дает больше простора для развития производительных сил, для прогресса науки и техники.

Большое значение имел также известный перелом в самой психологии коммунистической партии, особенно среди коммунистической молодежи. В период гражданской войны для коммуниста всезнайство, хотя бы и самое поверхностное, было абсолютно необходимо. Революция бросала коммунистов от десятков одних дел к сотням других, причем они, вследствие саботажа старой интеллигенции, должны были выполнять роль этого класса, либо комиссарствовать при нем. Наоборот, задача организации государственной промышленности, торговли, банкового дела и социалистического просвещения в широком смысле этого слова, потребовала от партии отказа от верхоглядства и всезнайства, заставила специализироваться ее кадры на определенных областях практической работы и науки и обстоятельно изучать то дело, которое каждый себе выбирал или на которое был поставлен партией. Это способствовало образованию в рядах коммунистической партии кадров подлинных специалистов в различных областях.

Нас с вами, работников социалистического общества, превращающегося постепенно в коммунистическое, отделяет целая эпоха от рассматриваемого периода еще в одном отношении: я говорю о стимулах к труду при капитализме и социализме. Вы уже видели из предыдущего изложения, что военный коммунизм не давал психологических стимулов ни к увеличению производства на отдельном предприятии, ни стимулов к увеличению производительности труда со стороны каждого отдельного рабочего. Спрашивается, как же обстояло дело с этими стимулами в рассматриваемом нами периоде?

Мы уже видели с Вами, что при новой экономической политике в этом отношении произошел поворот к стимулам ка-

питалистическим, которые начали играть роль уже в период военного коммунизма. В конце-концов сдельная плата стала господствующим видом оплаты труда там, где она применима по условиям производства. В общем, рабочий тем больше получал, чем больше была его индивидуальная выработка. И все предприятие получало рессурсов больше от рынка или от государства, если больше вырабатывало.

Эта система начала постепенно меняться, поскольку государство как для ликвидации искусственного кризиса сбыта, так, с другой стороны, прежде всего, вследствие роста его рессурсов, увеличивало из года в год заработную плату. Опыт показал, что нет никакой необходимости добавочную плату выдавать по методу сдельщины. Наоборот, эта добавочная плата могла стать более могучим орудием увеличения производительности труда, если распределялась в форме коллективного премирования. Уже опыт коллективного снабжения, введенного в первый год НЭП'а, показал, что когда увеличение заработка отдельного рабочего поставлено в зависимость не только от того, сколько он сам выработал, но и от того, сколько выработало все предприятие в целом, среди рабочих усиливался в огромной степени интерес к работе соседа по мастерской, соседнего цеха, наконец, интерес к работе всего предприятия в целом. Рабочий следит тогда не только за самим собой, но и за другими, как и другие следят за ним. Вырабатывается нечто вроде общеобязательной производственной морали. К стимулам индивидуальным прибавляется коллективный стимул. А это уже более высокая ступень производственной дисциплины в сравнении с индивидуальной ответственностью каждого и индивидуальными расчетами с каждым. Поэтому, государство, при увеличении заработной платы, оставляя старый капиталистический стимул для одной части заработка рабочего, одновременно с этим вводило коллективное премирование рабочих тех предприятий, которые выполняли производственную программу или превышали задания. При этом от предприятия требовалось не только известное количество изделий, но и соответствующее качество их. В то же время как само предприятие из соображений хозяйственного расчета было заинтересовано в наименьшей трате материалов, топлива, в максимальной нагрузке всего предприятия и т. д. Коллективное премирование в сущности было декретировано одно время еще в период военного коммунизма, но оказалось тогда мертворожденным, потому что в тех случаях, когда было за что премировать, нечем было премировать, и рабочие в сущности бывали обмануты. В этот период государству было не до премий, потому что оно не могло обеспечить минимума питания не только для рабочих, но даже и для армии. Правда, в период военного коммунизма были отдельные предприятия, которые проявили величайший героизм на хозяйственном фронте, при том скудном питании, когда рабочий падал в обморок у станка. Героизмом было тогда вообще работать. Это был такой же под'ем, как и в борьбе на фронте, но долго он не мог продолжаться, да и производственные результаты его были невелики.

Наоборот, под'ем промышленности и увеличение рессурсов государства делали коллективное премирование материально возможным и производственно целесообразным. Приведем пример. На железной дороге происходит с'езд представителей различных служб дороги. Из производственного доклада выясняется, что если дорога перевезет установленное количество грузов, либо больше, если мастерские депо выпустят из ремонта установленное количество вагонов и паровозов, если дорога не израсходует больше топлива, чем полагается или даже сэкономит в сравнении с нормой, то все работники дороги получат премию в таком то размере. С'езд решает от имени всех служб добиться максимальной премии, обо всем этом делается известно по линии каждому сторожу, каждому стрелочнику, каждому кочегару. Все заинтересованы в том, чтобы паровозы и вагоны ремонтировались усиленным темпом, чтобы топлива сжигалось меньше и оно не раскрадывалось, чтобы грузы доставлялись в целости и т. д. Все хозяйство дороги ведется уже под наблюдением тысяч глаз. А вместе с тем, сохраняется и сдельная плата там, где она возможна технически и полезна, как стимул.

Это коллективное премирование явилось зародышем новой формы оплаты, которое свойственно социализму. Новая форма вырастает на основе коллективной ответственности работников за результаты производства, на основе взаимного контроля и, наконец, на основе большей культурности и сознательности всего рабочего класса вообще. Если сдельщина побуждает к соревнованию между отдельными рабочими цеха, то коллективное премирование побуждает к соревнованию между целыми предприятиями, в дальнейшем—целыми отраслями производства. В такой форме государство в сущности распределяет те добавочные ценности, которые произвели работники во всем хозяйстве в целом. В дальнейшем, по мере увеличения произво-

дительности труда во всей промышленности, премиальным путем начинает выплачиваться *большая часть* заработной платы вообще. Роль сдельщины в общей сумме заработной платы с каждым годом относительно понижается. Но сдельщина отмирает не только материально, но и психологически, поскольку выполнение определенного среднего минимума работы, превращается в своего рода инстинкт труда, который является привычным, и за который не дается специального вознаграждения.

Правда, здесь продвижение вперед шло в общем очень медленно, потому что победа новой формы оплаты труда теснейшим образом связана, как мы уже говорили, вообще с ростом культурности и сознательности рабочего класса, что не достигается в несколько лет. Насколько трудно продвижение в этом направлении, вы можете видеть и из того обстоятельства, что мы сами еще не осуществили коммунистического распределения. Здесь приходится перерабатывать человеческий характер, ожидая, что инстинктом сделается то, что раньше достигалось принуждением, обещанием пряника, либо было актом коллективного под'ема и самопожертвованием. Нужна смена поколений и новая система воспитания, чтобы новый коллективный человек смепил индивидуалиста периода товарного производства. Тот момент, когда коллективные стимулы в рабочем классе делаются господствующим по сравнению с стимулами индивидуальными, является торжественнейшим моментом в строительстве социализма, не менее важным для будущего, чем социализация орудий производства. И хотя мы не достигли коммунистического распределения, однако, пошли далеко вперед в сравнении с рассматриваемым периодом, когда работника, как ребенка, надо было доводить до сознания необходимости определенной работы не путем ознакомления со статистикой производства и статистикой потребления в стране, а путем обещания выдачи лишнего пуда хлеба или большей суммы денег.

Что касается работы иностранного капитала в России за этот период, то размеры влияния этого капитала на хозяйственную жизнь внутри страны, по сравнению с ролью иностранного капитала во внешней торговле, было неособенно велико. Причины этого заключались в следующем. Вообще, иностранный капитал мог проникать в Россию, как капитал ссудный, промышленный и торговый. Что касается ссудного капитала, то в течение рассматриваемого десятилетия Советское правительство заключило несколько займов в разных странах, но это были небольшие займы, преимущественно в товарной форме. Капитал не шел на большие и казавшиеся ему рискованными займы. В области промышленности дело обстояло несколько лучше. Но необходимо помнить, что капитал во всех странах в это время вступил в период старческой дряхлости. Он боялся больших начинаний, больших рисков и, по своей старческой трусости, не соблазнялся даже большими прибылями. Исключение представлял лишь германский капитал. Иностранный капитал не имел, разумеется, большого интереса, идти в те отрасли промышленности, которые работали на внутренний рынок, поскольку этот рынок почти полностью удовлетворялся продукцией русской промышленности. Особенно это относилось к тому периоду, когда произведенные внутри страны товары продавались на бумажные деньги падающей валюты. Иностранный капитал, естественно, тянулся к тем предприятиям, которые производили продукты экспортного значения, например, нефтяная промышленность, золото-платиновая, лесные разработки, медь и т. д. В то же время он был не склонен к таким вложениям капитала, которые могли дать результат через продолжительный срок. Отдавать же иностранному капиталу предприятия, дававшие выгоды без особенно больших затрат, Советскому правительству не было смысла, как ни малы были его собственные оборотные средства. Огромным успехом для хозяйства Советской России было привлечение германского капитала вообще, прежде всего для разработки в широком масштабе пустующих пространств Юга, Юга-Востока и Запада Сибири и создания здесь крупных тракторных и больших животноводческих хозяйств. Германский капитал был более предприимчив и более подвижен, чем английский. Он был вынужден рисковать более, чем английский капитал, у которого еще были не вполне использованные возможности в колониях. Германский капитал вклинивался в хозяйство России и, сам того не сознавая, работал в пользу создания единого мощного хозяйственного об'единения между русским сельским хозяйством и германской промышленностью, плоды которого в дальнейшем суждено было пожать социализму. От германского же капитала наше сельское хозяйство получило в значительных размерах тот товарный кредит, в виде сельско-хозяйственных машин и орудий, который позволил сельско-хозяйственному банку организовать на широких началах долгосрочный сельско-хозяйственный кредит. Что касается американского капитала, то его участие в хозяйственной жизни России после капитала германского было самым значительным. Но он интересовался главным обра-

зом лишь нашей нефтяной, марганцевой, платиновой промышленностью, т.-е. теми отраслями, продукция которых была нужна самому американскому хозяйству.

Что касается внешней торговли с заграницей, то она развивалась с каждым годом, и к концу десятилетия экспорт сырья и хлеба заграницу уже превышал довоенные размеры. Советское правительство старалось удержать ту часть иностранного капитала, который интересовался торговлей, на линии оптовой торговли, регулируя ее своим участием в смешанных торговых обществах. Оно стремилось не допускать проникновения частного иностранного капитала в розничную торговлю внутри страны. Таким образом, иностранный торговый капитал держался на границах государства и в районах внешних портов и не впускался без особой необходимости со своими щупальцами внутрь страны. Это было источником больших недоразумений с иностранными торговцами, особенно вначале, когда иностранные торговые фирмы, в особенности спекулятивного типа, рвались внутрь страны, стремясь к максимальным барышам. В дальнейшем же, они примирились с создавшимся положением, ограничились участием в оптовой торговле и допущением их на крупнейшие ярмарки, где большинство сделок они опять-таки совершали с кооперацией, органами государственной торговли и трестами. Что касается монополии внешней торговли, то она формально была отменена после того, как государство стало фактическим монополистом в внешней торговле. Формальная монополия оставалась лишь для торговли определенным и строго установленным числом товаров.

Во всяком случае, никакого заметного разлагающего влияния, как ожидали белогвардейцы, иностранный капитал на систему советского хозяйства не оказал. Его роль в системе Советского хозяйства сводилась приблизительно к 10 % всей продукции государственных предприятий. Даже во время бунта нэповской буржуазии против диктатуры пролетариата, он не смог выступить единым фронтом на поддержку мятежников, разделившись на две группы, из которых одна держалась нейтрально.

К этой последней попытке капиталистической реставрации мы теперь переходим.

С момента проведения в жизнь новой экономической политики резкие проявления классовой борьбы всех буржуазных и части мелкобуржуазных сил против пролетарской диктату-

ры, имевшие своим апогеем Кронштадтское восстание, совершенно прекратились. НЭП давал пока достаточный простор для капиталистического накопления и вообще для развития капиталистических отношений в пределах экономически возможного для самого капитализма. Производительные силы страны так низко пали, что развитие их могло подвигаться вперед различными путями, при чем путь восстановления капиталистическими методами в тех областях, где государство сознательно свернуло свои силы, мог идти параллельно с восстановлением крупной промышленности социалистическими методами. Что же касается восстановления и интенсификации индивидуального мелкого хозяйства, то, при отсутствии об'ективных пока данных для восстановления его в форме крупного кооперативного хозяйства, оно было абсолютно необходимым, было основным условием восстановления крупной государственной промышленности. С этой точки зрения НЭП представлял из себя комбинированный метод восстановления хозяйства как социалистическими методами (плановое государственное хозяйство, крупная промышленность и транспорт и т. д.) так и в чисто капиталистическими методами (рынок, капиталистическая калькуляция даже в государственной промышленности, частно-капиталистические предприятия в торговле и промышленности, концессионный капитал), наконец, методами интенсификации мелкого товарного, главным образом, мелкого крестьянского хозяйства.

В первые годы все эти методы уживались друг с другом; территория для приложения их была достаточна обширна. Но основные направления путей капиталистического метода восстановления и социалистического были совершенно различны. Стихийное стремление всех капиталистических сил и тенденций заключалось в том, чтобы опереться на мелко-буржуазный базис страны, накопить силы, связаться с иностранным капиталом и тем связать с ним мелко-буржуазный базис советской деревни, освободиться от преград, которые ставят социалистическое государство капиталистическому накоплению, превращая его в социалистическое, сбросить советское государство, денационализировать промышленность и возглавить мелкое товарное производство страны той капиталистической верхушкой, которая существовала в России до революции.

Наоборот, задача социализма, заключалась в том, чтобы использовать капиталистические формы для развития производительных сил лишь на определенном этапе, сведя исто-

рическую роль этих форм к роли лесов при постройке социалистического здания. Ему предстояло частью опереться на них там, где они представляли из себя более прогрессивное начало в сравнении с мелким производством (среднее капиталистическое предприятие выше ремесленного, налаженная частная торговля при господстве в стране товарного мелкого производства, лучше, чем спекуляция и мешечничество, крупный концессионный капитал выше всех этих форм); приспособить капиталистические формы, как низшие, к социалистическим формам, как высшим, где, когда, и пока это возможно и полезно для социализма; ликвидировать их там, где приспособление невозможно или ненужно, и их можно заменить высшими социалистическими формами. Задача состояла дальше в том, чтобы в деревне дать возможность мелкому товарному земледелию развиваться за счет мелкого натурального потребительского хозяйства. Задача состояла в том, чтобы, опершись временно одной ногой на капиталистические отношения, высвободить потом эту ногу и подогнать мелкое производство деревни вплотную к крупной социалистической промышленности и кооперировать ее.

Теперь нам кажутся смешными опасения наших делов, которые, заняв такие позиции, как крупная промышленность, транспорт, оптовая торговля, банковое дело и регулирование валюты, имея в руках мощный государственный аппарат и армию, боялись, что их вытеснят и победят Колупаевы и Разуваевы, т.-е. представители исторически более отсталого способа производства, клонившегося к тому же тогда к упадку во всех капиталистических странах. Но мы не должны впадать в одну ошибку, которая психологически вполне возможна. Например, феодально-крепостнический способ производства и соответствующая ему форма собственности не могли бы победить буржуазных форм после того, как появилась крупная фабрика, и буржуазная революция поставила у власти третье сословие; однако, это отнюдь не делало безнадежными *все без исключения* попытки дворянской контр-революции. В той же Франции нужно было несколько революций, чтобы буржуазия прочно стала у власти. Точно так же обстояло дело и в Советской России времени так называемого НЭП'а. Капиталистическая форма, представленная убогим спекулятивным капиталом и возрождающимся кулачеством в деревне, была низшей формой в сравнении с социализмом, и основная линия развития заключалась в том, чтобы эти формы также приспособились к социалисти-

ческим, как в свое время побежденный, но не добитый феодализм приспособился к буржуазным формам. Однако, это не исключало возможности капиталистической реставрации в отдельных случаях. В общем и целом в 20-м веке победа социализма, как правило, была обеспечена, но это отнюдь не означало непременной и безусловной неудачи всех контр-революционных буржуазных восстаний. Дело в каждом конкретном случае зависело от реального соотношения сил. Так же обстояло дело в Советской России рассматриваемого периода.

Посмотрим, каково было тогда соотношение сил между двумя типами хозяйства и между теми классовыми группировками, из которых каждая представляла свой способ производства. Измерить соотношение сил, это значит прежде всего измерить соотношение экономических сил и учесть уровень культуры борющихся групп. Силами капиталистическими были: частная торговля, мелкая и средняя, частная средняя промышленность, главным образом, арендованная, хозяйство кулацких и зажиточных слоев деревни, представлявших главную часть торгового земледелия, иностранный концессионный капитал. Кроме того, надо еще учесть кулацкую кооперацию, духовенство, буржуазную интеллигенцию и, наконец, те остатки прежде господствующих классов, которые хотя не имели экономического веса, но обладали «живым человеческим весом». Все эти элементы ориентировались прежде всего на среднее крестьянство, желая получить поддержку этой многомиллионной пехоты, которая, вследствие своего промежуточного классового положения, выступала исторически, то в роли пехоты революции, то как пушечное мясо для контр-революции.

Силами социалистическими были: городской пролетариат, который уже не был деклассирован в конце этого десятилетия, как в его начале, который теперь был не менее многочислен, чем перед войной; беднейшие слои деревни и те огромные массы маломощного крестьянства, которые пользовались долгосрочным льготным кредитом и судьба хозяйства которых зависела от Советского государства; та часть мелкобуржуазной интеллигенции, которая примирилась с социализмом и составляла большинство в государственном аппарате. Наконец, чисто политические силы коммунистической партии, коммунистического союза молодежи, красной армии и государственного аппарата. Что касается размеров национального дохода, который представляла каждая из этих классовых группировок, то государственный круг представлял большую массу националь-

ного дохода, если продукцию среднего крестьянского хозяйства не засчитывать в ту или в другую группировку.

В отношении уровня культуры, государственный социалистический круг был если не выше, то немного ниже своих противников. В течение этого десятилетия пролетариат и его государство поняли огромную опасность, которая им угрожает, вследствие культурного превосходства побежденных классов, и проделали огромную работу по поднятию культурного уровня всего пролетариата.

Непосредственные социально-экономические причины движения были следующие. Городская частная торговля, успевшая прочно встать на ноги, начала систематически вытесняться со своих позиций государственной и кооперативной торговлей, причем налоги с'едали значительную часть торговой прибыли. С другой стороны, известную часть прибыли отбирал Государственный банк в виде процента по ссудам. Зажиточная часть крестьян, которая подвергалась прогрессивно-подоходному обложению, ограничивалась в своих эксплоататорских стремлениях по отношению к крестьянской бедноте и не имела возможности предаться спокойно капиталистическому накоплению, с каждым годом все больше и больше озлоблялась и стремилась вырваться из цепей социалистического государства. Враждебно настроена была в отношении государства также и средняя промышленность, жаловавшаяся на тяжесть государственных налогов и арендной платы.

Но в буржуазном лагере не было единодушия. Целый ряд капиталистических предприятий как торговых, так и промышленных, так тесно вплелись во всю экономическую систему данного хозяйственного организма, что они были лишены всякой свободы движения, опасаясь в то же время, в случае неудачи буржуазной реставрации, потерять все свои приобретения, сделанные во время НЭП'а. Не было единодушия и среди иностранного капитала. Принципиально, с точки зрения классовых интересов буржуазии вообще, все были за реставрацию. Но по отношению к данной конкретной попытке реставрации, интересы расходились. Победа контр-революции при существовавшей международной группировке сил означала вытеснение из России германского капитала французским. А так как буржуазия обыкновенно в выборе решений руководится выгодами сегодняшнего дня, то германский капитал, в данном случае, из антагонизма с французским оказался против реставрации. Французский же капитал, который поддерживал реставрацию, не имел значительного хозяйственного влияния внутри страны.

Идеологами контр-революционного движения были представители буржуазной интеллигенции. Однако, среди этой интеллигенции часть крупнейших специалистов была против реставрации. Со времени Октябрьской Революции в этой среде произошли известные изменения. Как известно, большинство русской интеллигенции боролось с самодержавием под социалистическим флагом. Но этот социализм был лишь псевдонимом буржуазной демократии, как показал Октябрь, отбросивший всю интеллигенцию в лагерь буржуазной контр-революции. Однако, десять лет строительства крупного государственного хозяйства при Советской власти, в котором принимали участие и буржуазные специалисты, заставил некоторых из них произвести переоценку ценностей. На опыте хозяйственного строительства, особенно на опыте электрофикации, они убедились не только в социальном, но прежде всего в техническом превосходстве социалистических форм хозяйства над частно-капиталистическим. И когда в воздухе запахло буржуазно-кулацкой контр-революцией, которая могла и должна была задержать развертывание крупного производства и отбросить страну на довоенные позиции, эта часть специалистов оказалась вместе с пролетариатом за государственную форму хозяйства. Наоборот, другая часть, главным образом, из старой эмиграции, которая в большинстве перекочевала к этому времени в Россию, стала во главе контр-революционного движения. Но эти группы отнюдь не были представителями кадетских элементов прежней эмиграции. Старая кадетская ортодоксия, изолгавшаяся и потерявшая всякий кредит, была вытеснена сменовеховцами. Последняя, уже на русской территории, явилась организующим ферментом, как для вернувшейся в Россию эмиграции, так и для оставшейся в России интеллигенции. Они дали интеллигенции идеологию и примирили ее временно с Советской властью. Затем они сами раскололись, и правая их часть стала во главе движения. Лозунгами движения были: защита экономического либерализма, борьба с стеснениями для частного хозяйства, борьба против увеличения налогов на частное производство, борьба против непрерывного увеличения заработной платы, которое по их мнению, вело к задержке экономического развития, борьба за всеобщее избирательное право и парламентаризм. Кроме того, проповедывался ярый антисемитизм. Новая буржуазия, разумеется, имела свою литературу и свою печать, частью легальную, частью заграничную. В первые годы НЭП'а новая буржуазия, особенно

торговая буржуазия и кулачество, были довольно равнодушны к идеологической работе буржуазной интеллигенции. Они были заняты делом накопления и им было не до политики. К тому же, старомодная интеллигентская идеология была для новой буржуазии психологически мало понятной. Но скоро буржуазная интеллигенция нашла пути к душе НЭП'мана городского и деревенского, приспособилась к его запросам и начала фабриковать нужную ему идеологию.

Движение началось в городах с крупных демонстраций, самую активную роль в которых играли городские торговцы. Они по взаимному уговору поднимали одновременно продажные цены всех товаров, ссылаясь на высокие налоги, и этим путем стремились втянуть в движение широкие массы потребителей. К этому городскому движению присоединились зажиточные элементы деревни, которые отказывались платить государственные подати и поддерживали оппозицию городских торговцев. Однако, все это движение, за исключением некоторых районов на окраинах, где начался кулацкий бандитизм, не могло принять форму открытой вооруженной и организованной борьбы с Советской властью, и было разгромлено раньше, чем могло создать всероссийский организующий центр. Замешанные в движении представители буржуазии подверглись конфискации имущества. Особенно пострадали группы городских торговцев. Магазины участников были национализированы и включены в сеть государственных кооперативных лавок, а товары—реквизированы государством. Кооперативные об'единения сельского кулачества также были разгромлены и за их счет усилены кооперативные организации беднейшего и среднего крестьянства. На участвовавшие в движении кулацкие слои были наложены большие штрафы, однако, без разрушения хозяйства участников движения. Последовавшая вслед за подавлением движения «коммунистическая реакция», хотя и не создала нового положения, но ускорила социализацию тех отраслей торговли и промышленности, для обобществления которых создались подходящие условия. В частности, разгром частной торговли повел не только к усилению торговли государственной и кооперативной, но и способствовал изменению отношений между оставшейся частной торговлей и государством. Эта торговля все более и более превращалась в нечто вроде комиссионной торговли для крупной государственной промышленности и таким образом оказалась включенной в систему государственного планового распределения.

Начало перехода хозяйства на более высокую ступень. Экономический тупик.

Лекция одиннадцатая

В предыдущих лекциях я набросал перед вами в кратких чертах экономическое развитие Советской России приблизительно за первое десятилетие новой экономической политики. В течение этого периода, как я уже сказал, были достигнуты и отчасти превзойдены довоенные пропорции хозяйства. Смешанная форма товарно-социалистического хозяйства открывала достаточный простор для развития производительных сил и капиталистические одежды не были тогда стеснительны для развития хозяйства. Наоборот, только капиталистически калькулируя, рабочий класс вообще мог научиться руководить производством на данном уровне развития крупного производства. Но скоро социалистическое содержание обобществленной части хозяйства стало стесняться капиталистической формой одежды и начало выпирать из нее, требуя новых форм. А вместе с тем и отношения с мелким крестьянским производством вступили в новую фазу, когда торговой и кредитной связи с ним было уже недостаточно для развития всего хозяйства страны в целом. Этот новый период можно поэтому охарактеризовать, как безболезненное и постепенное сбрасывание социалистическим хозяйством шелухи капиталистических форм. Этот процесс был только ускорен неудачным восстанием НЭП'а против пролетарской диктатуры, но он начался еще раньше, до этого восстания.

В это время существенно изменилось международное положение Советской Республики, поскольку в Европе начала нарастать новая волна пролетарской революции, по отношению к которой разгром НЭП'овского восстания в России был некоторым введением.

Но обратимся к России.

Я не буду при рассмотрении этого периода останавливаться на цифровых результатах продукции крупной промышлен-

ности, а тем более, ее отдельных отраслей. Я буду говорить лишь об изменении хозяйственных форм. Начнем с верха хозяйственной пирамиды, с государственной промышленности. Мы оставили ее в таком положении, когда она финансировалась в огромном большинстве случаев в Госбанке и Торгово-Промышленном банке, оперативно руководилась Высшим Советом Народного Хозяйства и Бюро промышленных с'ездов, калькулировала капиталистически, продавала и покупала за деньги не только в своих торговых сношениях с необобществленной частью хозяйства, но и при торговых сношениях государственных предприятий друг с другом. Этот рыночный хаос внутри самого государственного круга надлежало прежде всего уничтожить, поскольку этот хаос не давал возможности установить строгую пропорциональность в развитии отдельных отраслей крупной промышленности даже там, где рынком был сам государственный круг. Какое-либо государственное предприятие, например, мануфактурная фабрика, нуждалась в известном количестве машинного оборудования, топлива и т. д. Поставщиками и того и другого были государственные же предприятия. Но они не знали, каковы на каждый производственный год будут требования на их продукцию со стороны других государственных предприятий. Закупка каждым предприятием производилась там, где дешевле можно было купить. В результате покупки делались территориально дальше, чем было нужно, тратились средства на комиссионные расходы и закупочные аппараты, для транспорта же это означало много встречных перевозок. Плановые хозяйственные органы прежде всего начали с ликвидации рыночного хаоса внутри государственного круга.

Первый шаг, сделанный уже в первые годы НЭП'а, заключался в том, что все государственные предприятия были обязаны составлять не только финансовые, но и хозяйственные сметы. Эти сметы в сумме перерабатывались В. С. Н. Х. таким образом, что все величины одного рода складывались вместе: выяснялось, сколько нужно нефти, угля, железа и т. д. для самого государственного круга. Таким образом, выяснялись требования к промышленности со стороны самой промышленности и государственных учреждений. Это позволяло, во-первых, заранее знать, какое количество и каких продуктов должно быть произведено для самого государства. Это позволяло, во-вторых, выделить по степени важности те предприятия, которые нуждались в различных продуктах государственной же

промышленности, но не могли их полностью оплатить. Благодаря этому устанавливалось, какие предприятия должны получить поддержку из государственных средств на расширение производства. Далее, это позволяло выяснить по всей линии государственных предприятий, какое количество своей продукции они наверняка могли разместить внутри самого же государственного круга, и какую часть должны были продать на рынке необобществленной части хозяйства. Это позволяло, наконец, во время заметить как грозящее недопроизводство каких-либо продуктов и своевременно предупредить его, так и предусмотреть возможные размеры перепроизводства. При такой системе можно было уже заранее принять меры для закупок недостающих продуктов заграницей и ввести принудительное плановое распределение таких продуктов, которых должно было заведомо не хватить для всех государственных потребителей. Совершенно очевидно, что одновременно с этим государству необходимо было знать размеры ожидаемой продукции всех частных предприятий, имеющих не только местное значение, и обязать все частные предприятия представлять государству данные о плане производства и об размерах ожидаемой продукции.

Эта работа социалистического учета началась, как я уже сказал, для важнейших отраслей еще до рассматриваемого периода, теперь же она была осуществлена для всей промышленности, не исключая и важнейших отраслей ремесленной и кустарной промышленности. Следующим шагом за этим было распределение заказов и закупок по определенному плану. Государственные плановые органы отнюдь не желали при этом душить инициативы отдельных предприятий введением старой системы распределения по ордерам или торговли по ордерам. Но они все же стремились прикрепить определенную группу государственных потребителей к определенным группам государственных производителей по хозяйственному тяготению, исходя из задачи учета и экономии транспорта. В то же время выработан был ряд мер, позволявших покупателям не связывать себя в тех случаях, когда те или иные производители давали неудовлетворительный продукт.

Все эти мероприятия способствовали также тому, что государственная промышленность могла выступать единым фронтом в сношения с необобществленной частью хозяйства, и отдельные государственные предприятия не ослабляли позицию всей государственной промышленности на вольном рынке. Но-

вая форма учета и распределения заказов была в то же время гибкой и эластичной: она оставляла достаточно простора для инициативы отдельных трестов, охраняя в то же время интересы целого, интересы наиболее быстрого продвижения вперед всего хозяйства с наименьшей тратой сил.

Однако, регулирование производства той части крупной промышленности, которая была повернута к необобществленному и прежде всего крестьянскому хозяйству, было очень трудно. Как размеры платежеспособного спроса, так и количество сырья, которое могло доставить крестьянское хозяйство, было трудно учесть сколько-нибудь точным образом. Для хотя бы приблизительного учета продукции необобществленного хозяйства и для предвидения возможной кон'юнктуры, государство пользовалось всеми видами статистики, корреспондентскими отчетами с мест, показаниями всех торговых и кредитных организаций, соприкасающихся с вольным рынком, которые могли учесть его спрос и его запасы. Раньше, чем началась производственная подгонка крестьянского хозяйства к крупной государственной промышленности, в корне изменившая всю ситуацию, огромную роль в деле учета рессурсов деревни и подчинения мелкого производства заданиям крупной промышленности сыграла система долгосрочного кредита, который был осуществлен в России по отношению к деревне в гораздо больших размерах, чем в любой стране до этого. Уже, благодаря широкому применению краткосрочного кредита при посредстве всех видов кооперации и органов государственной торговли обыкновенно весной осенний урожай деревни был отчасти запродан государству за полгода вперед. Крестьянство не только получало товарный кредит, но и денежные задатки под будущий урожай. Эта система применялась при заготовке технических растений (лен, пенька), а также разных видов животноводческого сырья, как шерсть, кожи, щетины и т. д. Такая система торговли в кредит неизбежно требовала учета платежеспособности миллионов кредитуемых хозяйств и, во избежание огромных убытков для кредитующего, должна была заставить все органы, которые вели это дело, учитывать все рессурсы крестьянского хозяйства. Учет социалистический вырастал в конце-концов из этого торгового капиталистического учета. Еще большее влияние имел в рассматриваемом отношении долгосрочный кредит. Через специальный сельско-хозяйственный банк долгосрочного кредита крестьянство ежегодно получало в кредит сельско-хозяйственные машины, удобрение, улучшен-

ные семена и т. д., а также и денежные ссуды, на десятки миллионов золотых рублей, ссуды на новые постройки, на покупку скота, на мелиоративные работы и проч. Ежегодная сумма ссужаемых ценностей увеличивалась по мере развертывания промышленности, заграничной торговли и увеличения продукции самого крестьянского хозяйства. Но ежегодно увеличивалась также и сумма крестьянского погашения. Это погашение шло не столько деньгами, сколько натурой: хлебом и другими продуктами питания, сырьем, отчасти трудом, поскольку всякие извозные работы и заготовки дров для фабрик и железных дорог, работа по ремонту пути и т. д. могли служить погашением полученных от государства ссуд. Но долгосрочный кредит не менее, а, наоборот, более, чем краткосрочный торговый кредит требует учета кредитоспособности клиента. Таким образом, и с этого конца шел учет размеров продукции крестьянского хозяйства и качества этой продукции. Теперь уже не годилась простая разведка рынка. Теперь необходима была постоянная агентура, постоянный, систематический, научно-статистический учет данных крестьянского хозяйства вообще и платежеспособности отдельных крестьян. При долгосрочном кредите крестьянство запродает уже не только урожай данного года, но и урожай за несколько лет вперед. Если сложить теперь три величины: то, что получает теперь государство 1) путем погашения по краткосрочному торговому кредиту и погашения по долгосрочному кредиту, 2) путем продналога *) и 3) то, что потребляется в самом крестьянском хозяйстве, и вычесть эти две величины из суммы всей продукции, то в остатке останутся рессурсы крестьянства для вольного рынка. Эта сумма, ускользающая от государства, теперь была уже не так велика, и с каждым годом уменьшалась, поскольку крестьянству было выгоднее иметь дело с государством без посредников. Мы не говорим уже о том, что значительную часть своей продукции крестьянство продавало кооперации. На настоящий вольный рынок крестьянство продавало лишь ту часть сельско-хозяйственных продуктов, которая шла в обмен на продукты ремесла, кустарной промышленности и небольшой по размерам частной капиталистической промышленности, а также то, что шло в обмен крестьян друг с другом. Естественно, что учет, о

***) Хотя продналог после стабилизации валюты был формально отменен, и крестьянство могло его выплачивать в денежной форме, однако преимущественно он выплачивался натурой, поскольку крестьянство, стремилось избегать посредников, а государству было выгодно для усиления фонда внешней хлебной торговли получать налог натурой.**

котором говорилось выше, должен был учитывать, выяснять и ту часть крестьянской продукции, которая не попадала в руки государству.

Во всяком случае, при составлении общепроизводственной программы на ближайший год, планирующие органы государства не только знали все, что поддавалось учету в самом государственном круге, но также довольно точно могли учесть размеры той части продукции мелкого производства, которая должна была поступить в каналы государственного хозяйства в форме сырья и продовольствия. А в то же время они могли приблизительно учесть и то, сколько продукции крупной промышленности в предстоящем году может поглотить крестьянское хозяйство при среднем урожае. Тут даже не вполне правильно было бы уже говорить о крестьянском рынке в старом смысле, потому что ограничения размеров предоставляемой в кредит крестьянству продукции крупной промышленности проводилось уже самим государством, поскольку оно само, во-первых, знало, сколько может дать в кредит и во-вторых, через щупальцы торговых, кредитных и статистических органов и агентов устанавливало, сколько крестьянство может взять в кредит.

Необходимо также упомянуть об огромной роли государственного страхования от пожаров, градобитий, падежа скота и т. д., поскольку это страхование также требовало учета имущества страхуемых и означало мобилизацию значительных средств крестьянства в виде страховых премий.

Таким образом, мы видим, что уже используя в большинстве случаев капиталистические методы учета и прибавив к ним методы научно-статистического учета, государство было в состоянии не только внутри государственного круга, но и на всей территории соприкосновения его с необобществленным хозяйством наладить общехозяйственный учет. Спрашивается теперь, могло ли государство не только учитывать рессурсы мелкого производства, не только улавливать большую часть его продукции в свои каналы обращения, но также и воздействовать на размеры и качества этого производства? Государству было важно не только знать, что и в каком размере оно в состоянии получить от крестьянства. Оно было также кровно заинтересовано в том, чтобы, в согласии с намеченным им планом развертывания промышленности и запросами иностранного рынка, крестьянство производило те сорта сырья и продуктов питания, какие были ему нужны и нужны в определенных количествах. А затем, государство было заинтересовано не только в том, чтобы одни культуры развивались за счет других, а также и в том, чтобы развитие всех культур не отставало от темпа промышленного развития, иными словами, чтобы отсталость земледелия не тормозила процесса развертывания промышленности.

Первая задача оказалась достижимой уже на основе кредитной и торговой связи крестьянского хозяйства с государственной промышленностью. В самом деле. Когда планирующие органы государства на основании своих расчетов приходили к выводу, что необходимо: на Севере—увеличить культуру льна за счет хлеба, в центре—культуру конопли за счет картофеля и т. д. и т. д., то они обращались не только к Наркомзему, но и давали всем органам капиталистического регулирования директиву поставить свои расчеты с крестьянством так, чтобы во всех указанных районах добиться нужного эффекта. Этот эффект достигался тем, что Госбанк, Сельбанк, органы государственной торговли и кооперации, об'являли крестьянству: в уплату погашения по ссудам и данных в кредит товаров принимаем лен и пеньку, не принимаем хлеб, повышаем цены на кожи и шерсть и т. д. В то же время, кредитующие органы могли увеличивать ссуды тем крестьянам, которые расширяли продукцию нужных культур. С точки зрения экономики всего хозяйства такие премиальные цены и увеличенные задатки являлись чем-то вроде ссуд на расширение государственно-необходимых отраслей производства, были увеличением основного и оборотного капитала данных отраслей хозяйства и должны были практиковаться до тех пор пока благодаря расширению продукции не достигалось равновесие с крупной промышленностью и ее запросами. Наоборот, уменьшение размеров той или иной культуры достигалось мерами обратного характера, т.-е. отказом принимать эти культуры в уплату по ссудам и путем понижения цен на них.

Если в годы военного коммунизма при аналогичной ситуации издавался соответствующий декрет, выезжали в деревню агитаторы, писались энергичные воззвания к крестьянству, и все это, при отсутствии нужных экономических стимулов, не приводило к желаемым результатам, то теперь, при достигнутой экономической мощи государства, это достигалось умелым *поворотом рычага цен. Рыночные цены, бывшие раньше стихийным регулятором хозяйства, превращались теперь в руках мощного государства в подсобное орудие планового хозяйства.*

Так трансформировал, приспособлял к себе и заставлял себе служить социализм те капиталистические формы, которые оказались наиболее эластичными и пригодными для хозяйства переходного периода. Движение цен на рынке, который в начале НЭП'а заставлял танцовать под свою дудку государственную промышленность и издевался над плановым хозяйством, сделалось теперь средством социалистического регулирования несоциалистической части хозяйства. Мы увидим ниже, как такое же перерождение произошло с деньгами и их функцией в системе товарно-социалистического хозяйства.

Описанные нами способы регулирования крестьянского хозяйства были до поры до времени достаточны для социалистического государства. Но затем стало обнаруживаться, что темп развития сельского хозяйства начинает отставать от темпа развития промышленности и от запросов внешней торговли. Правда, крупные советские хозяйства на окраинах смягчали наступавший кризис, и их быстрое развитие играло роль некоторой отдушины, но этой отдушины было недостаточно. Требовалось такое изменение во всей технике крестьянского хозяйства, которое означало бы быстрое и решительное увеличение сельско-хозяйственной базы для промышленности России и для промышленности экономически связанной с ней Германии. Кредитно-торговая связь с крестьянством могла служить целям регулирования только до известного предела. Когда эти средства исчерпали себя, необходимо было, с одной стороны, перейти к изменению самого способа производства в крестьянском хозяйстве, а с другой стороны—вовлечь в обработку новые площади пустующих земель на Юго-Востоке России и Западной Сибири. Согласно расчетам экономистов и статистиков этого периода, задача формулировалась таким приблизительно образом: необходимо при данном количестве рабочих сил, занятых земледелием, увеличить в огромной степени производство хлеба, технических культур, жиров, мяса и животноводческого сырья, необходимого во всех районах; где позволяют условия местности, ввести обработку земли тракторами и электроплугами; необходимо ввести все усовершенствования, достигнутые сельско-хозяйственной техникой и агрономической наукой; провести плановое распределение культур по районам; усилить переселение на окраины, организуя для переселенцев крупное хозяйство. Все это, во-первых, должно было в огромной степени увеличить урожайность земли, а, во-вторых, высвободить из крестьянского хозяйства большое количество рабочей силы, необходимой для развертывающейся промышленности. В рассматриваемый период в сельском хозяйстве России было занято свыше ста миллионов населения, из них около половины работоспособных. Намеченный переворот в технике земледелия должен был высвободить около одной трети всех работоспособных. Эти избыточные силы, по мере рационализации крестьянского хозяйства, экономисты предлагали двинуть на колонизацию пустующих площадей на окраинах. Таким образом, путем переворота в технике и перераспределения сил внутри самого земледелия можно было бы пустить под обработку гораздо большие площади земли и улучшить культуру в районах старого крестьянского земледелия. Это обеспечило бы огромное увеличение хлеба и сырья, необходимых для промышленности и экспорта и на неопределенно долгий срок обеспечило бы Советской индустрии беспрепятственный бег вперед.

Но при всей самоочевидной убедительности этих доводов провести этот план более или менее скоро представлялось делом почти невозможным. Препятствия были со всех сторон. Во-первых, районные электрические станции не все были построены, а для ускорения строительства у государства не было достаточно свободных средств. Эти станции не могли обслужить огромной площади всего крестьянского земледелия; они могли образовать лишь острова электрофицированного сельского хозяйства на безбрежном крестьянском море. Что же касается тракторной обработки, то для обслуживания всей площади, где электропахота была неосуществима, потребовалось бы около одного миллиона тракторов, а следовательно, огромное количество мотористов, ремонтных рабочих, бензина, а главное, огромных свободных средств у государства. Третье препятствие лежало в самом крестьянстве. Замечавшееся тогда сильное переселение в деревни и увлечение мелкой интенсивной культурой приводило к застою в земледелии. Образовавшийся многочисленный слой хозяев хуторского типа упорно держался за свои «датские методы» земледелия, которые давали хотя и очень большие урожаи с десятины, но требовали огромной растраты рабочей силы хозяина и его семьи на единицу продукта. И вся остальная крестьянская масса, менее прикованная к своим участкам, чем хуторяне, боялась массовой ломки в системе хозяйства и еще большего массового переселения на окраины, которое было совершенно неизбежно. Прежде, когда в эпоху царизма жизнь на родных местах в обстановке страш-

ного малоземелья была до крайности тяжела, крестьянство имело большую тягу к переселению. Но с тех пор, как крестьянству на родине удалось поставить на ноги хозяйство, улучшить обработку и поднять урожайность, большинство особенно пожилых крестьян отнюдь не хотело порывать с насиженными местами. Только молодежь, которая во время пребывания в городе, в красной казарме, приобрела более высокие потребности, не возражала против массовых переброс на окраины.

Несмотря на то, что эта колоссальная задача не могла быть разрешена в короткий срок силами самой Советской России и для осуществления экономической революции в русском земледелии нужна была политическая революция в Европе, тем не менее, кое-что здесь делалось и собственными силами. Механическая обработка уже производилась в некотором, хотя и очень небольшом проценте крестьянских хозяйств. Точно также в ряде мест проникла в деревню и электрификация. Предстояло всячески ускорить этот процесс. Точно также и переселение, хотя опять-таки в ограниченных размерах, происходило каждый год. Государство нуждалось в земледельческих работниках для расширения площади своих крупных совхозов на окраинах и животноводческих хозяйств в степи. С другой стороны, переселенцы вербовались и добровольно, главным образом, во внутренних губерниях, наиболее малоземельных и двигались на окраины по собственной инициативе. Тянуло главным образом молодежь после разделов с стариками. Первое время, в виду отсутствия нужных средств, государство ограничивалось лишь тем, что отмежевывало участки на местах переселений для индивидуального крестьянского хозяйства и оказывало самую необходимую помощь при переезде и первоначальному устройству. На новом месте переселенцы продолжали вести хозяйство по старому. Но когда государство стало богаче, оно устраивало переселенцев иначе. В местах поселения делались постройки для крупных коллективных хозяйств, снабженных машинами и всем необходимым для крупного земледельческого производства. Поселенцы в этих случаях не только меняли место жизни, но и способ ведения хозяйства. Из индивидуалистов и мелких буржуа они делались работниками коллективного хозяйства, а иногда, если было внутреннее согласие, делались коммунарами. Правда, эти крупные хозяйства не всегда были государственными предприятиями типа Совхозов, и переселившиеся крестьяне не всегда чувствовали себя

рабочими государственного предприятия. Это зависело от содержания того договора, который они заключали с государством при переселении. В тех случаях, когда переселяемые получали оборудование крупного хозяйства в виде долгосрочной ссуды, переселенцы смотрели на крупное хозяйство, как на свое собственное хозяйство. Они свободно располагали продуктами своего труда, за исключением той части, которая шла на погашение ссуд. Таким образом, уже тогда рядом со старой переселенческой политикой, государство начало проводить новую социалистическую политику. Рядом с распространением мелкого производства на окраинах, т.-е. рядом с мелко-буржуазной колонизацией начала развиваться также и *социалистическая колонизация окраин.*

Теперь предстояло дать гораздо больший размах всему этому продвижению вперед сельского хозяйства, в частности перейти к постройке новых электро-станций специально для электрификации сельского хозяйства. Как уже было выше сказано, такая огромная задача была не под силу Советской Республике. Здесь развитие производительных сил России упиралось в необходимость пролетарской революции на Западе и новой перегруппировки производительных сил в европейском масштабе.

Что касается денежной системы, то она оказалась весьма живучей не только для первого из рассматриваемых периодов, т.-е. когда социалистические и капиталистические отношения хозяйства существовали рядом, но и для второго периода, когда социализм начал побеждать по всей линии. Денежная система обнаружила большую приспособляемость к новому типу хозяйства, хотя, разумеется, функции денег при плановом хозяйстве резко изменились. Вообще уничтожение денег является неизбежным в коммунистическом обществе, где нет индивидуального или группового учета того, кто берет и сколько берет. Наоборот, социализм (потому, между прочим, социализм и не есть коммунизм) знает такой учет, хотя в дальнейшем этот учет распространяется только на часть продуктов, поступающих в распределение. Более того, социализм не исключает полностью рынка для тех отраслей хозяйства, например, для мелкого производства, которые еще не социализированы. Правда, эти отрасли, а вместе с тем, и рынок при социализме постепенно отмирают. Но отмирают они именно *постепенно,* как сам социализм постепенно превращается в коммунизм, являясь лишь недостроенным, недоделанным, недо-

развившимся коммунизмом. Наконец, при социализме развивается так называемая любительская промышленность и любительское искусство, которым работники социалистического государства занимаются после отработки общеобязательного времени, и продукты которого обмениваются также на деньги, как это имеет место у нас. Но, конечно, роль денег при таких условиях совсем не та, чем при капиталистической или товарно-социалистической системе хозяйства. Там они являлись мерилом стоимости товаров, средством обращения и средством платежа. Они были одним из средств для стихийного регулирования процесса производства и обмена. Наоборот, когда во всех решающих областях хозяйство делается плановым, а следовательно, делается плановым и обмен веществ между важнейшими отраслями хозяйства, делается плановым накопление, с одной стороны, и распределение средств потребления—с другой, тогда деньги превращаются лишь в *подсобное орудие планового распределения*. Они сохраняют еще свое былое звание лишь для необобществленной части хозяйства, но и то не для всей, а для ее рынка в узком смысле этого слова, т.-е. для того рынка, на котором происходит обмен веществ внутри необобществленной части хозяйства. Но мы уже видели из предыдущего, что мелкое необобществленное производство бросает на вольный рынок лишь меньшую часть своей продукции. А кроме того, в общехозяйственном плане страны эта продукция также уже учтена, и не только производство в мелком хозяйстве, но и все процессы на этом оставшемся рынке, во многих отношениях уже регулируются государством. Таким образом, деньги оказываются здесь «в социалистическом окружении» и хозяйственная роль их становится весьма ограниченной.

В рассматриваемом нами периоде государство вполне овладело задачей регулирования денежного обращения. В этой области для него не существовало неразрешимых проблем. Оно разрешило также проблему замены золотого обращения бумажным, с сохранением за бумажными деньгами всех основных функций, выполнявшихся золотом. Оно не торопилось изгонять деньги из обращения и искусственно ограничивать область денежных расчетов, поскольку, как увидим ниже, безденежные рассчеты успешно вытесняли денежные естественным путем. При существовании смешанной системы хозяйства деньги имели огромное преимущество, их не могли заменить никакие «треды» и прочие искусственно придумывавшиеся методы учета. Однако, нечто вроде кризиса

денежного обращения все же надвигалось. Корень этого кризиса заключался в следующем. Первое десятилетие НЭП'а размеры денежного товарооборота из года в год росли, хотя одновременно росли возможности безденежных расчетов в связи с развитием кредита и банковой системы. В период стабилизации валюты деньги уже не перебрасывались из рук в руки, товарооборот рассасывал их в огромном количестве, благодаря развитию внешней торговли твердая валюта Российского государства в большом количестве требовалась заграницу; кроме того, сильно развилось накопление в денежной форме. Я уже указывал, что правительство и Госбанк воспользовались этой ситуацией для увеличения своих оборотных средств, поскольку ежегодно делали добавочную эмиссию в размерах, которых требовали растущий товарооборот и нужды накопления. Теперь же положение начало в корне меняться.

Хотя продукция промышленности и земледелия увеличивалась из года в год, однако, денежный товарообмен стал сокращаться, вследствие уменьшения области денежных расчетов. Уже плановое распределение заказов внутри государственного круга свело до минимума денежный оборот между самими государственными предприятиями. Деньгами уплачивалась лишь разница при расчетах; сумма же этой разницы по сравнению со всеми оборотами внутри государственного круга составляла небольшой процент. Что касается способа выплаты заработной платы, то и здесь произошли существенные изменения. Рабочие большую часть заработной платы, а в некоторых районах почти всю заработную плату оставляли в кооперативах и органах государственной торговли, забирая там все необходимое. Кооперативы же покупали свои товары или в государственных предприятиях (большую часть) или на вольном рынке (меньшую часть). В частности, что касается продукции сельского хозяйства, например, хлеба, мяса, жиров и т. д. то, если раньше большую часть этих продуктов кооперация покупала в деревне в порядке обычной торговли, то теперь она получала в большинстве случаев от государства, имевшего все это в огромных количествах от продналога, погашения банковских ссуд, уплаты за товарный кредит государственных торговых органов и т. д. Таким образом, вместо денежных расчетов государственных предприятий с рабочими, денежных расчетов рабочих с кооперацией и, наконец, денежных расчетов кооперации с государством и его органами, было гораздо проще и удобнее кооперации расчитываться с Госорганами при участии банка, так

что в денежной форме выплачивалась только разница. Что же касается покупателей рабочих, то кооперация по договору с государством была обязана при желании рабочего выплатить ему всю заработную плату в товарной форме по рабочей книжке, если бы он этого пожелал. Для этого кооперации отпускался достаточный кредит от государственных органов. Деньгами рабочему выплачивалось в конце месяца лишь то, что он не добрал по рабочей книжке в виде товаров в кооперативной лавке. В большинстве же случаев рабочий набирал больше, чем ему надлежало получить за месяц в качестве заработной платы, потому что он пользовался кредитом в своей кооперативной лавке. Конкретно, если рабочий набирал за месяц на 60 рублей золотом, а должен был получить в качестве заработной платы 70 рублей, то при расчете в фабричной конторе он получал деньгами только разницу в 10 рублей. В ряде мест, прежде всего там, где рабочие обыкновенно всю или почти всю заработную плату оставляли в кооперативах, стала применяться даже такая система, когда по соглашению заводоуправления с кооперацией окончательный расчет также и деньгами производился в самом кооперативе.

Все это в целом означало вытеснение денег из огромной области товарооборота и расчетов, причем это достигалось без малейшего ущерба как для Госорганов и кооперации, так и для рабочих. Расчет крестьянства с государством по продналогу был преимущественно безденежным, расчет по уплате за ссуды Госбанка также в большинстве случаев безденежным и в значительной мере была безденежной расплата крестьянства с кооперацией за товары, данные крестьянству в кредит. Кроме того, благодаря развитию кредитной системы, безденежные расчеты сокращались даже и внутри необобществленной части хозяйства. Поэтому, с каждым годом потребность в деньгах все сокращалась. Если они обслуживали раньше весь товарооборот страны, как внутри государственного круга, так и вне его, то теперь они были совсем вытеснены из сферы внутри-государственных расчетов и в огромной мере из сферы обмена между государством и несоциализированным производством. Единственное поле, которое осталось за ними, это вольный рынок в собственном смысле этого слова, при чем емкость вольного рынка, вследствие увеличения роли социализированного производства в экономике страны, все сокращалась. Область применения денежных расчетов еще больше сократилась, когда было проведено обязатсльство каждого не только государственного и кооперативного, но и частного предприятия (кроме мелких), иметь текущие счета в Госбанке, Торгово-Промышленном банке и других связанных с ним кредитных учреждениях. Так, Госбанк и другие кредитные органы превратились постепенно не только в коллекторы свободных средств, в казначейство избыточного капитала страны, но и в бухгалтерию всего социалистического хозяйства, не исключая и части предприятий необобществленного круга.

Какова же была роль денег теперь?

Для рабочих, получавших деньгами разницу между забором и месячной платой, это было средством купить что-либо вне кооперации, т.-е. средством для более свободной ориентировки на вольном рынке. Для государственных предприятий это было средством расчета между собой, с кооперацией и крестьянством, т.-е. деньги были средством платежа. Поскольку эти платежи взаимно не погашались и был остаток, этот остаток был фондом для закупки на вольном рынке, который в свою очередь покупал у государственных предприятий. Здесь деньги играли роль средств обращения между двумя системами хозяйства. Были ли деньги средством накопления? Были, но при системе кредита, когда все накопление страны обыкновенно притекает в банки, эти деньги пускались банками в оборот, а при самом взносе в банк играли лишь роль свидетельства на определенную долю национального дохода. Как, наконец, обстояло дело с важнейшей функцией денег в товарном хозяйстве, с их ролью мерила стоимости? С тех пор, как большая часть продукции страны производилась уже в социализированной части хозяйства, руководимой плановыми органами, с тех пор, как не рынок управлял государственным хозяйством, а государственное хозяйство стало управлять рынком, игравшим теперь лишь роль корректива к плановому хозяйству; когда, в частности, не рынок назначал цены, в результате стихийной равнодействующей спроса и предложения, а цена назначалась *для рынка*,—с тех пор роль денег, как средства измерения стоимости, постепенно стало отмирать. Обществу уже не нужно идти окольным путем для определения того, что лежит в основе ценности, т.-е. для определения количества общественно необходимого труда, потраченного в среднем на тот или иной массовый продукт. Эту величину можно определить прямым путем, т.-е. путем вычисления в центральной бухгалтерии и статистике господствующей части хозяйства *и затем* уже выразить в деньгах. Деньги при таких условиях остаются технически необходимым средством для об-

щедоступного выражения стоимости. То же, *что они должны выразить на языке своих цифр*—это им диктует бухгалтерия и статистика социалистического хозяйства. Иными словами, деньги сохраняют те свои функции, которые нужны для планового хозяйства. В основном же они постепенно трансформируются либо в свидетельства на определенную часть национального дохода, т.-е. в данном случае, в талоны, либо в свидетельства на получение определенного количества сырья и орудий производства, т.-е. в разрешительной квитанции или ордера планового хозяйства. Прежнюю роль они сохраняют за собой лишь на вольном рынке необобществленной части хозяйства, т.-е. той части хозяйства, которая сама уже не играет самостоятельной роли в экономике страны. Этот процесс происходит естественным порядком, без потрясения, незаметно, как незаметно товарно-социалистическая система хозяйства при диктатуре пролетариата превращается в социалистическо-товарную, а последняя—в чисто социалистическую.

Что же делалось «с безработными деньгами»? Ведь по законам денежного обращения описанные выше процессы должны были неизбежно привести к систематическому ежегодному падению их курса?

Фактически это явление и наблюдалось. Курс твердого рубля внутри страны начал теперь падать, но падал он не вследствие расстройства хозяйства, а вследствие его прогрессивного развития. Чтобы избежать этого обесценивания, весьма неудобного для хозяйственного развития, было два выхода: или ежегодно уменьшать количество находящихся в стране денег путем их из'ятия, уничтожения, либо хранения в кладовых банков на память потомству; или регулировать процесс путем ежегодного обмена всех наличных денег в стране на новые деньги, с понижением их номинальной стоимости (скажем, 10 старых рублей приравнивается к 9 полноценным новым рублям). Правительство было достаточно сильно и политически и экономически, чтобы осуществить второе мероприятие, которое с узко финансовой точки зрения было более выгодно. Но эта была слишком громоздкая мера, к которой пришлось бы прибегать к тому же почти ежегодно. Государство предпочло пойти первым путем, т.-е. путем дефляции, осуществив для этой цели несколько внутренних займов. Благодаря этому количество денег в стране приспособлялось к нуждам оборота, иными словами количество их уменьшалось с каждым годом. Деньги теряли не только свои прежние экономические функ-

ции, превращаясь постепенно в талоны, но и умирали физически.

Теперь скажем несколько слов относительно судьбы мелкой промышленности в этот период. Во время развала крупной индустрии роль ремесла и кустарной промышленности в огромной степени возросла во всем хозяйстве. Если до войны чистая продукция ремесленников и кустарей по своей стоимости был равна от одной трети до одной четверти стоимости капиталистической промышленности, то во время революции стоимость их почти равнялась продукции государственной промышленности. Когда начала восстанавливаться крупная промышленность, когда ее выработка достигла довоенного уровня, роль ремесла и кустарной промышленности стала быстро падать. Это падение еще больше обозначилось тогда, когда государство поставило себе одной из очередных производственных задач убить те отрасли ремесла и кустарной промышленности, в которых мелкое производство давно могло быть заменено машинным, и которые существовали в России только потому, что довоенный капитализм варварски эксплоатировал рабочую силу и не имел интереса при низких заработных платах вводить машины в ряде отраслей. В то же время в районах действия электрических станций сохранение некоторых видов ремесла делалось явно бессмысленным с экономической точки зрения. Таким образом восстановление промышленности не только привело к вытеснению мелкого производства из тех областей, куда оно забралось, пользуясь временным развалом крупной промышленности, но и из тех областей, где оно держалось и перед войной.

Однако, ремесло проявляло большую живучесть. Во-первых, в силу того, что само улучшение техники в сельском хозяйстве высвобождало часть рабочего времени крестьянина, толкая его на кустарничество, как на подсобное и второстепенное занятие. Еще в период военного коммунизма коллективный труд в земледельческих коммунах и артелях, особенно, благодаря освобождению женского труда от работы на кухне, приводил к тому, что у коммунаров, в сравнении с крестьянами соседних деревень, высвобождалась часть времени от сельскохозяйственных работ. Это время коммунары обычно употребляли на различные побочные промыслы. Наконец, у крестьянства, вследствие сезонности сельско-хозяйственных работ, зимой оставалось много свободного времени, которое обыкновенно употреблялось на ручное ткачество и целый ряд кустарных

работ. Все эти причины замедляли ликвидацию пережитков средневековья в мелкой промышленности.

Наконец, имело значение и то обстоятельство, что крупная промышленность, заменяя ремесло, не всегда могла поглотить ту избыточную рабочую силу, которая при этом образовывалась. Если, допустим, благодаря машинному производству 1.000 рабочих при машинах начинает выполнять работу 5.000 ремесленников, то остающиеся четыре тысячи должны где-то разместиться в крупной промышленности. При очень быстром развитии промышленности это размещение вытесненной из ремесла рабочей силы идет более или менее нормально. При задержке же развития крупной промышленности часть разоренных ремесленников остается без работы, что обыкновенно толкает ремесло к попытке конкурировать с крупной промышленностью путем страшной эксплоатации рабочей силы ремесленника и его семьи и путем сведения к минимуму личного потребления.

Но выше мы видели, что быстрое развитие вперед Советской промышленности стало тормозиться в определенный момент отсталостью земледелия. Таким образом, в эту ахиллесову пяту, т.-е. в застой земледелия, промышленность упиралась и на фронте своей борьбы с ремеслом. И тут все дороги вели в Рим, т.-е. к пролетарской революции на Западе.

* * *

Мое краткое изложение экономического развития России может создать у Вас иллюзию, что весь процесс борьбы социализма с капиталистическими формами и со всеми силами прошлого, которые окружали социалистический остров пролетарского хозяйства в крестьянской стране, протекал легко и безболезненно, за исключением момента взрыва НЭП'овской контр-революции. Такое представление было бы ошибочно. Стоит только углубиться в изучение Советской печати этого периода, в изучение докладов, прений и резолюций на партийных и Советских с'ездах этого периода, чтобы убедиться, как много опасностей встречал на каждом шагу режим пролетарской диктатуры. Правда, наши деды преувеличивали некоторые из этих опасностей, либо слишком поздно замечали реально существующие. Но опасности эти были и с ними велась жестокая борьба. Пролетарская власть пережила несколько критических моментов в своем существовании. Эти моменты были: период Брестского мира, июль и август 1918 года, когда

белогвардейские силы были очень близки к победе, а Красная армия только начинала строиться, период наибольших успехов Юденича и Деникина, момент Кронштадтского восстания. Переход к новой экономической политике отвратил опасность со стороны мелко-буржуазной контр-революции, которая была тем более серьезна, что часть городских рабочих, в обстановке голода и нужды, находилась тогда под сильным влиянием крестьянских настроений. Первые годы НЭП'а были годами довольно спокойного существования Советского государства. Хотя государственная промышленность и была разрушена, а пролетариат в значительной мере деклассирован, но зато и капитализм не собрался еще с силами, он только вступал в эпоху «второначального накопления». Опасность началась с того момента, когда развитие капиталистических отношений стало быстро идти вперед, и капитализм в России на хозяйственной почве мог обогнать социалистическое строительство. Эта опасность особенно сильно чувствовалась в первой половине десятилетия новой экономической политики. Рабочий класс и коммунистическая партия в борьбе с капитализмом, должны были опираться не столько на свою экономическую базу, сколько на средства вне экономического давления. А для такого давления было необходимо иметь все пролетарские и коммунистические силы сжатыми в один кулак, резко противопоставить их идеологически и организационно разлагающим буржуазным и мелко-буржуазным влияниям. Между тем, это было до крайности трудно; и в самой задаче заключалось внутреннее противоречие, потому что крупная промышленность могла экономически подчинить мелкое производство и капиталистические отношения не путем экономической изоляции от них, а путем переплета с ними. В этот момент была огромная опасность от культурного превосходства побежденного класса над победившим. Социализм в своем хозяйственном строительстве не мог обойтись без помощи буржуазных элементов, потому что самая стройка требовала более высокой культуры, чем та, которая была доступна пролетариату этой эпохи. Буржуазные специалисты представляли в этот период еще большую опасность, чем в период военного коммунизма, потому что все их буржуазные навыки, психология враждебности к новому строю питались из неиссякаемых источников тех самых капиталистических отношений, которые социализм должен был использовать для развития производительных сил страны. Наиболее опасными, наиболее критическими для пролетарской власти были как раз те годы, когда крупная промышленность еще не

стала полностью на ноги, а рабочий класс еще не выделил достаточного передового кадра во всех областях хозяйственного строительства, который сменил бы старых буржуазных спецов. Это был период максимального развития взяточничества, хищения государственного имущества, издевательства буржуазных элементов над неудачами государственного хозяйства; это был период, когда даже часть коммунистической партии подвергалась опасности разложения. Коммунистическая партия начала энергичнейшую борьбу за поднятие культурного уровня рабочего класса и за завоевание высших школ и науки для пролетариата. Высшая школа, благодаря этим усилиям, постепенно сделалась действительно пролетарской. С другой стороны, коммунистическая партия прибегла к новой чистке. Задача этой чистки заключалась в том, чтобы освободиться от тех элементов, которые разложились под влиянием НЭП'а, которые стали «умеренными» по отношению к буржуазии и которые в сущности превратились в агентов противника на командных постах пролетарской диктатуры.

В этот период началась также борьба за нового Советского человека, за перерождение самого национального типа русского рабочего. Советская промышленность не могла быстро двигаться вперед, пока не были побеждены в самом рабочем классе не только невежество и некультурность, но и лень, недобросовестность в труде, разгильдяйство. Советская промышленность не могла победить, если бы в ней не была проведена новая научная организация труда и не выработан такой тип рабочего, который соответствовал бы более высокому типу индустрии.

Моя история не есть история культуры Советского периода; я не могу останавливаться на всех тех проблемах, над разрешением которых бились наши деды. Эти проблемы они разрешили с честью. Но и в области хозяйственной и культурной борьбы был, следовательно, момент, когда существование пролетарского режима в России в период новой экономической политики находилось под вопросом. Победа социализма выяснилась только тогда, когда восстановление крупной промышленности стало обгонять развитие капиталистических отношений, когда в области культуры рабочий класс стал догонять низвергнутый класс, а в то же время в Западной Европе выявилось хозяйственное банкротство капитализма и начала наростать новая волна мировой пролетарской революции.

О пролетарской революции в Западной Европе я буду говорить в моей следующей лекции.

Крах капитализма и гражданская война в Европе

Лекция двенадцатая

Из предыдущих лекций вы видели, что Советская власть, в определенный период своего экономического развития, стала с гораздо большей остротой, чем раньше, чувствовать ограниченность своих экономических средств для мощного движения вперед. Лишь новое перераспределение производительных сил Европы, направленное к приложению новых средств и орудий производства к русскому земледелию, к богатейшим и неиспользованным землям Юго-Востока и Сибири, лишь механизация земледельческого труда в массовом масштабе,—могли дать сильнейший толчок движению вперед. Психологически это выражалось в известном «натиске на Запад», во все более и более нервном ожидании пролетарской революции на Западе и в нетерпении, напоминавшем нетерпение 1917—20 гг. На почве капитализма эта задача не могла быть разрешена, поскольку капитализм исключал возможность планового хозяйства в Европе, районирование Европы по производственному признаку, не считаясь с национальными границами; поскольку он исключал такую огромную ломку в распределении производительных сил, при котором в обработку пускались бы прежде всего лишь те площади земель, которые давали максимальный доход. Капитализм не мог из-за своекорыстных интересов отдельных групп предпринимателей осуществить концентрацию производства, ликвидировать «гнилые местечки» промышленности, которые могли держаться лишь под охраной таможенных пошлин национальных государств и существование которых было экономически бессмысленно при районировании и концентрации производства. Наконец, капитализм не рисковал на помещение больших средств в России, за исключением, отчасти, германского капитала. Между тем, лишь только революция в железнодорожном транс-

порте, проведение электрических сверхмагистралей, прорытие ряда каналов для водного сообщения могли приблизить источники сырья и русского хлеба к промышленности Европы. Таким образом, развитие производительных сил России толкало теперь Россию на Запад, с тем, чтобы ускорить движение Запада на Россию. Еслиб революция на Западе заставила себя слишком долго ждать, такое положение могло бы привести к агрессивной социалистической войне России с капиталистическим Западом при поддержке европейского пролетариата. Этого не случилось, потому что к этому времени пролетарская революция по законам своего собственного внутреннего развития уже стучалась в двери. Правда, как вы знаете, развитие дальнейших событий повлекло за собой также и войну, но эта война носила характер не главного средства для решения назревшей исторической проблемы, не роль акушера, а роль его технического помощника при облегчении родов.

Какие же причины привели к под'ему второй волны пролетарской революции в Европе?

Послевоенный кризис европейской промышленности начал понемногу рассасываться к середине двадцатых годов. Это улучшение кон'юнктуры произошло, во-первых, за счет ухудшения положения рабочего класса. Экономический натиск капитала на рабочий класс, особенно в странах с высокой валютой, в странах победительницах, привел в общем и целом к победе капитала и к общему сокращению уровня заработной платы. Это сокращение позволило капиталистам этих стран удешевить товары и с большим успехом конкурировать с Германией. С другой стороны, европейский, прежде всего английский, капитал усиленно начал искать новых рынков и источников сырья как в колониях, так и в отдельных аграрных странах Европы и Азии. Поиски эти увенчались известным успехом. Сырьевая и рыночная базы европейской промышленности были расширены. В этом же направлении влияло также установление хозяйственных связей Европы с Россией, которая с каждым годом увеличивала свой экспорт и импорт.

Однако, это временное улучшение не могло быть длительным и прочным. Очень скоро поступательное движение промышленности приостановилось на общем уровне производства, который не достигал даже довоенных размеров. А это означало, что капитализм, начиная с 1914 года, т.-е. с года войны, уже либо топтался на месте, либо деградировал. Эти пятнадцать лет застоя или попятного движения доказали с полной очевидностью, что капитализм уже исчерпал себя, как определенная экономическая система, что история выжала из него все, что он мог дать, и он, как мавр, сделавший свое дело, должен был уходить. Как уходил этот мавр и как его приходилось «уходить» и подталкивать при этом, чтоб он проваливал скорее, об этом речь будет ниже. Но здесь мы сталкиваемся с одним очень важным теоретическим вопросом. Капитализм умер или убит (все зависит от того, на какую сторону процесса мы обращаем главное внимание). Социализм обеспечил возможность для гораздо более быстрого и беспрепятственного развития производительных сил. Это уже исторические факты. Но, спрашивается, почему же чисто экономически капитализм не мог развиваться после мировой войны, почему развитие производительных сил в *капиталистических формах* сделалось об'ективно невозможным? Иными словами, чем экономически был вызван застой в европейском хозяйстве двадцатых годов, когда первая аттака пролетариата на буржуазный строй в 1917—20 гг. была отбита и капиталистический режим стал на ноги?

Об'яснение этому мы можем найти в следующем. Самый факт мировой войны был проявлением глубокого кризиса в капитализме. Если перед этим капитализм завоевывал мир, в котором были еще в наличности места, незатронутые его щупальцами, то теперь дело шло лишь о том, как поделить уже завоеванный мир. Одна часть капиталистического целого могла развиваться дальше лишь путем разгрома другой своей части; капитализм начал терзать свое собственное тело. В сущности, ответ на вопрос отчасти уже заключается в ответе на другой вопрос: каковы были экономические корни мировой войны. Продукция капиталистического хозяйства Европы перед войной была наивысшей продукцией европейского капитализма вообще. После войны капиталистические страны были в состоянии лишь иначе перераспределить основные условия всякого промышленного производства, но не могли создать более расширенного базиса для него. В самом деле: несколько колоний от Германии перешло к Франции, но не увеличилось число рынков и их емкость. Те или другие источники сырья перешли от Англии к Америке, но не увеличилось ни источников сырья, ни самого сырья. Капитализм попал в порочный круг. Этого не было в десятилетия, предшествовавшие войне, потому что тогда еще были нераспределенные рынки и новые источники сырья, на основе которых капиталистическое хозяйство

делало свой очередной скачок вперед. Эти новые источники сырья и рынков сбыта позволяли капитализму взбираться на следующую, более высокую ступень расширенного производства, а это расширенное производство само создавало в известной степени новые рынки и предпосылку к дальнейшему развитию. Что же касается избыточного населения, которое либо накоплялось в европейской деревне, либо составлялось из кадров мелкой буржуазии, раззоряемой капитализмом и в то же время не находящей себе работы в его системе, то все эти массы плыли в Америку по каналам эмиграции. Перед войной ежегодно Европа выбрасывала из своих пределов от 800.000 до 1.000.000 эмигрантов. Поскольку эта эмиграция направлялась на новые земли Америки, постольку мы имели здесь дело с таким стихийным перераспределением производительных сил в мировом хозяйстве, которое означало расширение базы мирового капитализма: новые площади земли под обработкой, новые массы хлеба и сырья, новые слои платежеспособных покупателей для продуктов промышленности. Во время войны и после войны эмиграция прекратилась; наоборот, в ряд стран, как в Польшу и Чехо-Словакию, началось обратное движение эмигрантов, для которых, увы,—не было в Европе ни работы, ни хлеба, ни земли, земли больше, чем раньше.

Капитализм запутался в собственных противоречиях в погоне за прибылью. Частная собственность на орудия производства, свобода хозяйствования и инициативы, конкуренция—были сильнейшими стимулами экономического развития в той фазе капитализма, когда мир еще не был разобран до последней колонии, когда были запасные отводные каналы для избыточного населения, когда даже небольшое расширение сырьевых источников и рынков сбыта означало весьма значительное расширение промышленности. Все эти возможности уменьшились. С другой стороны, земледелие в системе мирового хозяйства вообще не поспевало за развитием промышленности. Влача за собой остатки средневековых способов производства, скованное институтом частной собственности не только на орудия производства, но и на само средство приложения земледельческого труда, т.-е. скованное частной собственностью на землю, земледелие не могло поспеть в погоне за разбежавшейся промышленностью и не могло пропорционально с ее развитием увеличивать продукцию сырья и хлеба с минимальными затратами труда. Еслиб эта задача была разрешена капиталистическим земледелием—это обеспечило бы непрерывность

промышленного развития, на основе лишь иного перераспределения производительных сил между индустрией и земледелием. Но при сохранении капиталистического способа производства это оказалось невозможным; клапан в виде быстро прогрессирующего земледелия не мог быть открыт, и отдельные части капиталистического организма бросились искать выхода во взаимном истреблении друг друга. В результате, имея такую закупорку в области сельского хозяйства, капитализм стал больше развивать свои отрицательные стороны, которые стали перевешивать его прогрессивные тенденции. То, что на одном полюсе он достигал на основе конкуренции, свободы хозяйственной деятельности и инициативы, то он губил на другом полюсе в мировой войне, в кризисах и массовой безработице.

Во время войны и непосредственно после нее не только все буржуазные круги, но также и большинство социалистов полагали, что мировая война была хотя и неслыханно огромным, но все же лишь только потрясением капитализма, а не началом его гибели. Казалось, что мировая война 1914—18 гг. принципиально мало отличается от предшествовавших ей империалистических войн, что разница здесь только в размере. Большинство полагало, что на основе нового соотношения сил и нового передела мира, капитализм снова начнет свою поступательное движение вперед после кратковременного упадка и регресса. Но годы после мировой войны показали, что период расцвета капитализма, его высший пункт—уже позади. Для всех делалось все более и более ясным, что уже самый факт войны был свидетельством непроходимого тупика, в который попал капитализм. Он мог перекидывать из рук одних наций в руки других наличные и определенно ограниченные источники сырья и рынки сбыта, но не мог их уже увеличивать на почве капиталистического производства. Наоборот, как раз это самое перебрасывание само уже было сильнейшим фактором распада капиталистических связей в мировом хозяйстве; оно сбросило все хозяйство мира на более низшую ступень в сравнении с периодом перед войной.

Капитализм не был в состоянии быстро и решительно открыть клапан в земледелии и устранить причину начинавшегося застоя, т.-е. избегнуть того самого тупика, из которого капиталистические государства искали выхода в войне. Борьба за рынки, источники сырья и сферы приложения капитала приняла вооруженную форму лишь потому, что необходимый экономический эффект не мог быть получен на основе

нового перераспределения производительных сил в мировом масштабе. Капитализм не мог путем решительных мер уничтожить частную собственность на землю, распределить производительные силы в мировом хозяйстве, не считаясь с границами национальностей, и ввести такие улучшения во все системы сельского хозяйства, чтоб на базе этого нового распределения производительных сил и исходя из успехов техники в земледелии мировое хозяйство могло бы бежать к новым рекордам добычи угля, выплавки стали, продукции мануфактуры, сбора хлеба и т. д. Еслиб капитализм мог все это осуществить, он перестал бы уже быть капитализмом. В лучшем случае, это был бы организованный в интернациональном масштабе государственный капитализм.

Эпоха первого десятилетия после окончания мировой войны была временем, когда обескровивший сам себя капитализм пытался вновь подняться по ступенькам той лестницы, с которой его сбросила война, и притом подняться, сохранив все старые методы капиталистического ведения хозяйства. Это ему в общем и целом не удалось сделать. Некоторые же успехи, которые он обнаружил в этом направлении, были слишком малы и слишком отставали от роста кризиса. Этот кризис принял форму хронической массовой безработицы, которая годами оставляла за бортом производства от пяти до десяти миллионов человек на обоих полушариях. Этот кризис принял форму небывалого скопления избыточного населения в аграрных странах и в земледельческих районах стран промышленных. Это избыточное население, после того, как отводный канал эмиграции был закрыт, скоплялось теперь в Европе, а вместе с ним и с массами безработных в городах скоплялось недовольство и возмущение, скоплялась грозовая энергия народных низов перед революционной бурей. В лице избыточного населения капитализм накоплял здесь силы, которые во всех революциях играли роль штурмующей пехоты при низвержении существующего и отжившего социально политического строя.

Как же формулировалась задача, которой не мог разрешить капитализм своими методами и которая по наследству перешла от него к эпохе диктатуры пролетариата? Задача, как мы видим, была такова. К моменту, когда раздел мира был в общем и целом закончен, когда эмиграция должна была сокращаться, когда толчкообразное развитие вперед капиталистической индустрии не могло уже продолжаться на основе расширении

базы капитализма в новых областях земли, тогда центр тяжести должен был перенестись к реформе земледелия в решающих пунктах мирового сельско-хозяйственного производства. Прежде всего, необходимо было осуществить революцию в технике крестьянского хозяйства в России. Но эта реформа была слишком глубока и радикальна для капитализма; он не только не мог бы с ней справиться, но он не мог даже реально поставить ее перед собой. Категория прибыли, свобода хозяйствования оказались слишком слабым оружием, чтоб прошибить преграды, которые ставили на пути движения вперед институт частной собственности на земли, деление мира на национальные государства и безтолковый анархизм всей капиталистической системы. Капитализм могли бы спасти лишь какие-либо неожиданные открытия в области сельско-хозяйственной техники и техники вообще, вроде массового изготовления белка из воздуха и т. д. Препятствием служило отчасти само избыточное население, которое не только было следствием кризиса, но и его осложняющей причиной. Дешевизна рабочей силы отнюдь не способствовала техническому прогрессу в земледелии. Правда, увеличение цен на хлеб и на сырье стимулировало в известной степени развитие сельского хозяйства, но в размерах, далеко отстававших от быстрого бега промышленной колесницы капитализма.

Когда же закончилась мировая война, то европейская промышленность не только оказалась лицом к лицу с упавшим земледельческим производством на своей территории, но и перед фактом потери целого ряда источников сырья и рынков сбыта за пределами Европы, захваченными Америкой или туземной индустрией. Европейская промышленность оказалась в положении огромного океанского парохода, который был предназначен для плавания по глубоким водам океана и который засел на песках обмелевшего моря.

Капитализм не только оказался неспособным справиться с целесообразным распределением производительных сил в мировом масштабе, но оказался также неспособным рационально организовать хозяйство внутри отдельных стран. Десятилетие после мировой войны было временем, когда в Европе все больше и больше начинала господствовать психология тупика, психология безвыходности. Правда, непосредственно после окончания войны господствующим настроением был протест против принудительного хозяйства, против всякой регламентации, карточного распределения, и против всякой регламен-

тации хозяйственной жизни вообще. Казалось, что не нужда привела к принудительному хозяйству, а принудительное хозяйство к нужде. Капиталистическая пресса очень успешно использовала это настроение для дискредитирования самой идеи государственного планового хозяйства. Реакцию против голода, нужды, хвостов и очередей она пыталась превратить в реакцию против социализма и в демонстрацию за свободу конкуренции и за капиталистический почин. Но вскоре началась реакция против этой реакции. Восторжествовавшее манчестерство чем дальше, тем больше обнаруживало свое банкротство. Свободы хозяйствования было сколько угодно, но продукция в хозяйстве не увеличивалась, заработная плата сокращалась, количество безработных не уменьшилось. Налоги росли, и финансовое банкротство перебрасывалось из одной страны в другую. Рабочие Англии, Германии и Америки, даже незатронутые коммунистической пропагандой, с каждым годом все настойчивее выдвигали требование национализации железных дорог, копей и других важнейших отраслей хозяйства, особенно во время огромных стачек в этих отраслях, которые обыкновенно ликвидировались при непосредственном участии и по инициативе государства. Весь этот период можно назвать периодом стихийной борьбы рабочего класса за систему государственного капитализма. В это время значительные круги буржуазных экономистов точно также стали склоняться к необходимости планового хозяйства в мировом масштабе, при чем они, разумеется, питали иллюзии насчет того, что капитализм в состоянии провести в жизнь этот план.

Внимание масс привлекали в это время, главным образом, наиболее яркие внешние проявления начавшегося банкротства капитализма. Прокатился ряд государственных финансовых банкротств в Германии, Франции, Австрии и нескольких мелких странах. Обнаружилось полное банкротство Версальского договора, от которого отказались даже французские националисты, заменив его фактически рядом нескольких временных соглашений. Политические деятели буржуазии тщетно ломали голову над квадратурой капиталистического круга: этот круг оказался прочным, и никакие фокусы никаких соглашений и конференций, как политических, так и экономических, не могли указать выхода. Постепенно в массы начало проникать глубокое убеждение в полной невозможности сдвинуться с мертвой точки, пока существует буржуазный строй. Это убеждение в беспомощности капиталистического класса проявлялось во

всем: в печати этого периода и при том не только рабочей, но и буржуазной печати, в каррикатурах, остротах, поговорках, наконец, в заключительных словах всех без исключения резолюций рабочих собраний. Говорят, еще до войны, при парламентских выборах в Италии существовавшее правительство его противники обвиняли даже в том, что при нем коровы и козы давали меньше молока. Нечто подобное повторялось и теперь. Капитализм стали обвинять даже в том, в чем он в сущности виноват не был.

«При капитализме никаких улучшений, никакого движения вперед».—Таков был общий лозунг. Безнадежность положения начала сознаваться и самим капиталистическим классом. Это отразилось и в литературе этого времени. Философия Шпенглера и его сторонников находила все больше и больше приверженцев. Усиливалось убеждение в том, что вся европейская культура идет по стопам Римской империи; усиливался мистицизм; увлекались индийской философией; буржуазия и буржуазная интеллигенция возвращались к грубейшей вере в личного бога; начался распад буржуазной морали. Спекулянт с его лозунгом «лови момент» больше чем когда-либо делался героем дня. Неуверенности и нервозности в общественной психологии соответствовала такая же неуверенность, шаткость и лихорадочность во всем хозяйстве. В то же время выделилась определенная группа буржуазии, которая готовилась отстаивать свои позиции до последней капли крови. Она защищала тот взгляд, что переход к государственному капитализму есть шаг назад во всем экономическом развитии и организованное понижение всей человеческой культуры, что, наоборот, капитализм сам может вылечить свои раны и выйти из затруднительного положения на основе свободы хозяйственной инициативы и конкуренции. Характерно, что в то время, как буржуазия в собственном смысле этого слова проявила в лице значительных своих слоев сильные шатания, и в частности одна ее группа стала на сторону государственного капитализма и рабочего правительства, наиболее принципиальной и непримиримой силой, выступившей в защиту капитализма, явился другой класс, а именно: часть мелкой буржуазии, часть интеллигенции, бывшее офицерство и часть духовенства. Этот парадокс истории знают и все буржуазные революции. Мелкая буржуазия в английской, французской и русской революциях развивает стремление к доведению буржуазно-демократической революции до конца, вопреки самому виновнику торжества—

крупной буржуазии. Все это, несмотря на то, что развитие капитализма не только не улучшало, а ухудшало положение мелко-буржуазных, особенно хозяйственно-самостоятельных мелко-буржуазных слоев. Так же и в контр-революции определенные слои мелко-буржуазии и некоторые промежуточные классовые группы оказались последовательней самой буржуазии и мужественно погибали за ее интересы, как пушечное мясо контр-революции, хотя социализм не мог ухудшить их положения. Эти слои, по об'ективной их роли, бывшие лишь ударными батальонами оборонявшегося капитализма, часто выходили из повиновения буржуазии, ее государственной организации и самостоятельно защищали дело спасения буржуазного режима, отказываясь от маневрирования, отступления и временных уступок рабочему классу. Фашизм в Италии был лишь первым предвестником такого своеобразного разделения ролей в классовой борьбе этого периода.

Лозунг государственного капитализма в экономике и рабочего правительства в политике делается постепенно всеобщим лозунгом рабочих масс в конце двадцатых годов. Переход к так называемому рабочему правительству осуществляется в разных странах по разному. В Англии, например, рабочая партия стала у власти вместе с левыми либералами, в результате своей победы при парламентских выборах. В Австрии и Германии рабочие правительства образовались при наличии в парламентах буржуазного большинства, при чем в Германии этот переход совершился на пути борьбы пролетариата с поднявшей голову реакцией. Здесь возникло так называемое двоевластие, т.-е. власть рабочих организаций на одной стороне и чисто формальная власть рейхстага на другой. Рейхстаг, в период максимальной дороговизны, кризиса и наибольших волнений среди рабочего класса, проявлявшихся в демонстрациях, столкновениях с полицией и реакционерами, и всеобщих забастовках, когда, казалось, все здание немецкого капитализма тряслось до самого основания,—счел за благо большинством буржуазных голосов высказаться за создание рабочего правительства и вотировал ему доверие. Это правительство, в котором руководящую роль играли, конечно, шейдемановцы, стало скоро фактически ответственным не перед рейхстагом, а перед Социал-Демократической партией и центрами профессиональных союзов. В этот период было много простаков, которые кричали о том, что переход власти от буржуазии к пролетариату совершился безболезненно, без кровавых ужасов гра-

жданской войны. Эти простаки не подозревали, что, собственно, никакого перехода власти и не было. В самом деле, события очень скоро показали, что рабочее правительство было не классовой властью пролетариата в собственном смысле слова, а лишь последним окопом буржуазного общества в борьбе с той настоящей рабочей властью, которая еще не пришла. Буржуазия сознательно и добровольно «уступила» власть рабочему правительству и для прикрытия маневра лишь симулировала отчасти сопротивление. Фактически же она заняла выжидательную позицию, готовясь к решительной борьбе. Эту подготовку вели особенно энергично те промежуточные группы, которые, как мы уже говорили выше, оказались более последовательными, принципиальными, стойкими и самоотверженными защитниками буржуазного строя, чем сама буржуазия. Расчет буржуазии был такой. Рабочие партии у власти ничего не смогут сделать в смысле реального улучшения положения рабочих масс, они скомпрометтируют и себя и самую идею рабочего правительства, после чего наступит момент возвращения к власти чисто буржуазного правительства, гораздо более сильного, чем было напр. коалиционное правительство Вирта и других. В одной части расчеты буржуазии оправдались. Реформисты, ставшие у власти, действительно, очень скоро скомпрометировали себя в глазах рабочих масс. Но массы сделали из всего происшедшего совсем не тот вывод, которого ожидала буржуазия. Очень скоро даже те массы, которые шли за шейдемановцами, начали упрекать своих вождей в том, что они ничего не сделали и не хотели сделать для нажима на буржуазию и для перехода к действительнмоу социалистическому строительству. Эти массы быстро начали покидать лагерь реформистов и переходить к коммунистам.

Наоборот, там, где рабочие правительства под давлением пролетарских низов, пытались реально приступить к регулированию производства и распределения и к серьезному ограничению доходов имущих классов, там они встречали отчаянное сопротивление, открытое неповиновение и толкали буржуазию и помещиков отстаивать свои интересы с оружием в руках. В результате, рабочее правительство дало возможность пролетариату лишь лучше подготовиться к действительному завоеванию власти, втянуть в борьбу отсталые слои, сплотить их, разоблачить на практике реформистов до конца и бесповоротно. Рабочее правительство, таким образом, не только не решило центральной проблемы всей классовой борьбы двадцатого

века, т.-е. не дало развязки в борьбе труда с капиталом, а лишь отодвинуло эту развязку конфликта на несколько лет. Оказалось, что осуществить важнейшие и назревшие мероприятия в духе государственного капитализма не только неспособен сам капитализм в лице буржуазной власти, но не в состоянии и рабочее правительство, получившее эту власть не в итоге победоносной гражданской войны пролетариата, а в результате отступательного маневра буржуазии. Даже для сколько-нибудь серьезных мероприятий в духе государственного капитализма необходима была почва, расчищенная классовой войной; необходимо было сбить буржуазию и все так называемые привиллегированные классы с их основных позиций и заставить их повиноваться пролетариату. Неповиновение рабочему правительству и злобно-ироническое отношение к нему было характерным для европейской буржуазии этого периода. Буржуазия не принимала этого правительства всерьез, что было вполне естественно, поскольку историческая задача этого правительства заключалась не в нажиме на буржуазию, а в защите ее от пролетарской революции. Если вспомнить, что в России подобное отношение к пролетарской власти имело место даже первое время после Октябрьской Революции, т.-е. после фактического завоевания диктатуры пролетариата, то чего же другого можно было ожидать от еще *непобежденной* буржуазии Запада? В результате такого отношения буржуазии к рабочему правительству, которое оно рассматривало как правительство своего маневра, не только не была экспроприирована крупная земельная собственность, не только не были национализированы важнейшие отрасли промышленности и не удавалось сколько-нибудь сносное регулирование хозяйственной жизни и движения цен, но и даже обыкновенные налоги не уплачивались аккуратно имущими классами. Это сопротивление буржуазии, с одной стороны, не давало никакой возможности даже приступить к ликвидации того кризиса, который выплеснул на поверхность рабочее правительство в первом своем этапе. А с другой стороны, это сопротивление страшно озлобляло массы пролетариата, которые хотели иметь настоящую, а не маргариновую рабочую власть, которые всерьез хотели провести свою программу государственного капитализма и для которых позиция рабочего правительства должна была быть позицией дальнейшего наступления. В обстановке все более накалявшейся атмосферы классовой борьбы массы быстро левели и все энергичнее требовали от своих вождей решительных действий.

Но реформисты не были способны к таким действиям и никогда не собирались всерьез вести борьбу с буржуазией, поскольку дело шло, по крайней мере, об их руководящих элементах. Вообще же среди реформистов, включая сюда и их низы, оформилось три течения. Первое—за саботаж борьбы с капитализмом и за отговаривание рабочих от решительных действий. Второе течение—было за осуществление всех назревших мероприятий, направленных против имущих классов и против анархии в производстве и распределении. Но эта группа надеялась «уговорить» имущее классы уступить без боя. Наконец, третья группа явно разочаровалась в реформизме и быстрыми шагами шла на слияние с коммунистами. К первым двум группам принадлежала почти вся профсоюзная и партийная бюрократия реформистов, а также почти вся реформистская интеллигенция, в то время как к последней группе тяготела подавляющая часть рядовой массы реформистских партий и профессиональных союзов. Этот сдвиг рабочих масс влево особенно ярко выступал при всяких очередных перевыборах в профессиональных союзах и в Советах рабочих депутатов. Надо сказать, что одновременно с переходом власти к рабочим партиям во всех странах Запада, где этот переход совершился, с большим энтузиазмом были созданы Советы рабочих депутатов. Вначале реформисты имели в этих Советах как и в профессиональных союзах, прочное большинство. Казалось, что Советы в данной стадии—это лишь экстроординарная форма удержания масс в руках реформистов, а через них, к повиновении капиталу, поскольку обычных мер при росте возбуждения и недовольства было уже недостаточно. Но Советская форма сама в себе содержала лекарство от реформистской болезни пролетариата. Уже реформистские Советы носили в себе семя будущих революционных Советов. Господство реформистов в Советах было невечным и даже неособенно долговечным, хотя они здесь царили значительно дольше, чем в России на промежутке между февралем и октябрем. В этом периоде было две характерных и знаменательных даты. Первая, это когда в центральном городе центральной страны Европы, в Берлине на выборах в Совет потерпели поражение соглашатели с буржуазией и победили коммунисты. Вторая дата—победа коммунистов на очередном всегерманском с'езде советов, на котором всегда принимали участие также делегаты Австрии. Еще раньше было завоевано коммунистами большинство в Советах рабочих и крестьянских депутатов в Болгарии. Рефор-

мисты оказывали отчаянное сопротивление на всех стадиях выталкивания их из рабочего движения. Между прочим, когда они имели большинство в Советах, их рабочее правительство фактически было ответственно перед Советами рабочих депутатов. Парламенты хотя и не были распущены, и самый институт парламентаризма не был отменен, тем не менее они влачили жалкое существование, в качестве каких-то рудиментарных органов. Когда же реформисты потеряли большинство в Советах, они вдруг вспомнили, что собственно настоящей «законной» властью в каждой стране являются не Центральные исполнительные комитеты Советов и не с'езды Советов рабочих депутатов, а «всенародно» избранные парламенты. Это просветление в области государственного права наступало у реформистов с астрономической точностью всюду, где они теряли большинство в Советах. Но эта потеря ими большинства вела и к другим последствиям, которые побуждали контр-революцию выступать более активно и группироваться вокруг парламентов. Советы с коммунистическим большинством всюду переходили к активным действиям. Прежде всего, они оттесняли местные муниципалитеты от важнейших функций местного самоуправления, за исключением тех случаев, где муниципалитеты также были коммунистическими. Они начинали нажим на буржуазию в области квартирной, местного обложения, трудовой повинности и т. д. Все это заставило буржуазию перейти к открытой борьбе с Советами. Естественными национальными центрами этой борьбы сделались теперь парламенты. Эти парламенты влачили жалкое существование, напоминая спущенные флаги в тихую погоду, когда ветер классовой борьбы не вздымал их кверху. Теперь буря революции и контр-революции заставила их взвиться, заставила служить об'единяющим знаменем для всех буржуазных, монархических и реформистских элементов. Я не буду останавливаться на тех конкретных поводах, которые привели в центральной Европе к открытой гражданской войне. Эта война началась.

События развертывались в следующей последовательности. Провозглашение диктатуры пролетариата в Пруссии, Саксонии и Средней Германии повлекло за собой вооруженную победу рабочих в городских и фабричных центрах. Здесь на стороне революции было подавляющее большинство пролетариата, следовательно, большинство населения вообще. Реформисты, как и следовало ожидать, в большинстве дрались на стороне буржуазии и помещиков против рабочего класса. Что касается германской деревни, то здесь борьба приняла более затяжной, более ожесточенный и кровавый характер. Красной рабочей армии городов, вместе с партизанскими дружинами батраков, приходилось брать приступом почти каждое помещичье имение, каждый замок. Юнкера имели в своих резиденциях достаточный запас не только винтовок, пулеметов, гранат, но в ряде поместий оказались припрятанными с 1918 г. даже артиллерийские орудия. Юнкера, в большинстве бывшие офицеры, быстро сорганизовали воинские отряды из контр-революционно настроенного крестьянства, игравшего в их руках роль пехоты. В целом это хотя и была огромная сила, но эта сила, к счастью, территориально была разрознена. Не имея опорных баз в городах, не располагая железнодорожным транспортом и встречая на каждом шагу упорное сопротивление со стороны железнодорожных рабочих, юнкера не смогли организовать единого фронта и были разбиты по частям.

Совсем иной оборот приняли события на юге Германии. Баварская контр-революция успела раздавить у себя рабочее движение раньше, чем ему пришла помощь с севера. Кроме того, Бавария имела у себя в тылу Францию, которая помогла ей организовать правильный фронт против Северной германской республики. Борьба здесь приняла затяжной характер. В Баварию бежали побежденные буржуазные элементы с севера. Что касается баварской границы с Австрией, то и здесь существовал фронт, поскольку в Австрии точно также была провозглашена Советская власть и советская Австрия оказывала вооруженную поддержку Северной Германии. Решающее значение на дальнейший ход событий приобретала позиция Франции, Польши, Англии и Северной Америки.

Франция и Польша по взаимному соглашению выступили одновременно против Советской Германии. Но их выступление натолкнулось на вооруженное сопротивление пролетариата этих стран. Мобилизация запасных, интервенция против Германии и вступление французских войск в Рурский бассейн повлекли за собой восстание в Париже и северных департаментах. Это восстание спасло революцию в Германии. Оно отвлекло на внутреннюю борьбу силы французского империализма как раз в тот момент, когда Красная армия Северной Германии еще не сложилась, когда юнкерские Вандеи еще не были раздавлены и когда помощь от Советской России еще не подоспела. Внутреннее восстание во Франции было, правда, подавлено, и как попытка завоевания диктатуры пролетариата во Франции, оно

окончилось неудачей. Но его всемирное историческое значение заключалось в том, что оно не дало возможности французской буржуазии путем регулярной войны в самые первые недели оккупировать охваченную восстанием Северную Германию и тем повернуть колесо истории назад. Французы успели лишь занять часть Рурского бассейна той частью своих сил, которая не была занята подавлением восстания. Но и эта оккупация Рурского бассейна встретила отчаянное сопротивление со стороны партизанских отрядов Красной рабочей Гвардии этой области. Когда же французское правительство, после подавления восстания, высвободило свои силы для фронтовой борьбы с Германией, Северная Германия оказалась в состоянии послать в Рур уже регулярные части Красной армии и задержать дальнейшее продвижение французов.

Что касается Польши, то после некоторого колебания ее правящие круги решили выступить вместе с Францией против Северной Германии и начали наступление на Пруссию. Одновременно с Польшей Румыния выступила против Болгарии, где Советская власть была провозглашена немного раньше, чем в Германии и Австрии. Немедленно после всего этого, Советская Россия об'явила формальную войну Польше и Румынии, и Красная армия начала наступление на Запад. Это наступление шло двумя потоками и совершенно различным темпом. В Польше, как и во Франции, произошло восстание пролетариата и батраков. В городах—Варшаве, Лодзи и в Домбровском бассейне восстание было подавлено, но в ряде сельских местностей повстанцы продержались до подхода Красной армии. Особенно удачно развивалось восстание в Белоруссии, Волыни и Восточной Галиции. Здесь Красная Армия встречала энергичную поддержку со стороны самых широких масс крестьян. Но продвижение Красной Армии за границей этнографической Польши встретило большое сопротивление. Подать руку германскому пролетариату с этого конца оказалось делом очень трудным и недостижимым в кратчайший срок.

Наоборот, на Румынском фронте дело приняло другой оборот. Румынская армия была наголову разбита на Днестре и беспрерывно отступала. В Бессарабии была провозглашена Советская власть. Конница Буденного прокатилась лавиной по степям Румынии и, разбив оккупационную Румынскую армию на севере Болгарии, установила связь Советской Болгарии с Советской Россией в то время, как правое крыло юго-восточной армии через Восточную Галицию проникло в Венгрию и

помогло победить восставшему венгерскому пролетариату, провозгласившему вторую венгерскую Советскую Республику. Это был торжественный момент в борьбе пролетариата. Кольцо пролетарской диктатуры замкнулось, описав полукруг от Петрограда, через Будапешт в Вену и Берлин до Кенигсберга. Советская власть была провозглашена также и чешским пролетариатом, который немедленно же начал посылать подкрепления немецким рабочим на баварский, французский и польский фронты. Что касается Юго-Славии, то она, после первых успехов в борьбе с Австрией и Болгарией была принуждена к отступлению за свои границы, а в то же время внутри ее начался ряд ожесточенных национальных восстаний в Черногории, Боснии и Герцеговине, Кроации, Македонии. Начавшаяся гражданская война в Италии кончилась победой итальянского пролетариата на промышленном севере Италии, в то время как в средней Италии и на юге господствовали фашисты. Аппенинский полуостров оказался перерезанным фронтом гражданской войны севернее Рима. Большую поддержку советскому северу Италии оказывал итальянский флот как торговый, так и в большинстве военный. Этот флот с самого начала оказался на стороне пролетариата и помог итальянским рабочим поднять крестьянское восстание в Сицилии и на юге Италии, т.-е. в тылу у фашистов. Прорыв румынского кольца и наступление соединенных сил Австрии, Болгарии и России на Юго-Славию ликвидировал угрозу итальянской Советской Республике с Северо-Востока. Между Советской Италией и Советскими Балканами была установлена непосредственная связь, а тем самым установлена связь между Италией и Россией. Это имело огромное значение для Советской Италии потому, что она оказалась блокированной со стороны американского и французского флота и испытывала сильнейшее затруднение в вопросах продовольственного снабжения. Наоборот, теперь эта проблема разрешалась удовлетворительно, благодаря помощи с севера.

Когда Красная Армия Советской России подошла к национальным границам Польши, в последней проявился взрыв шовинизма, что, при слабости польского пролетариата, обещало чрезвычайно трудную борьбу для Красной Армии на польской территории. С другой стороны, на Франко-Баварском фронте борьба приняла также затяжной характер и нельзя было рассчитывать на быстрое и успешное ее окончание. Считая достигнутые результаты вполне достаточными для установления

диктатуры пролетариата в большей части Европы, Советская Россия, Советская Германия и другие советские государства предложили буржуазной Франции и Польше мир на следующих условиях: буржуазная Польша остается в своих чисто национальных границах, французы очищают Рурский и Саарский бассейны и уводят свои войска с баварского фронта, Польша разрешает свободный и беспошлинный транзит в хозяйственных сношениях Германии с Россией. Эти предложения вызвали очень большие колебания в правящих кругах Польши, которая вынуждена была отказаться от мира под давлением Франции. Французская буржуазия высказалась против мира, хотя течение за мир было довольно сильное и во Франции; наконец, категорически против мира была Америка, которая финансировала Франко-Польско-Румынский союз и добивалась полного разгрома пролетарской революции в Европе.

После того, как мирные предложения советских государств были отвергнуты, война возобновилась с удвоенной силой. Сконцентрировав достаточные силы, Советская Россия перешла в наступление на польскую территорию, и вскоре Красная армия вошла в Варшаву.

С другой стороны, Советская Германия на своей польской границе перешла от обороны в наступление и заняла часть Познани. Одновременно началось удачное наступление на Баварском фронте. Видя полную неизбежность гибели своего восточного союзника и считаясь с его отказом продолжать дальше войну, буржуазное правительство Франции согласилось на мир на старых условиях. Но эти условия были уже теперь неприемлемы для союза Советских государств. Война продолжалась, буржуазная Польша прекратила свое существование, польский пролетариат взял власть на территории этнографической Польши, и между Советской Россией и Советской Германией была установлена непосредственная связь. Это позволило Красной армии России помочь Советской Германии на французском фронте, и французские войска были вытеснены из Рурского и Саарского бассейна. В это время Северо-Американские Соединенные Штаты начали переброску своих сил на французский фронт, но эта помощь уже опоздала. Французская буржуазия еще могла думать о защите своих границ, но не имела уже никаких шансов вести наступательную борьбу со всей Советской Европой. Поэтому она, несмотря на усиленное давление американского капитала, согласилась на новые

мирные предложения на основе установившегося в результате войны status quo.

Так закончился этот великий период гражданской войны в Европе. В этой войне рабочее правительство Англии не принимало непосредственного участия, несмотря на то, что у рабочего правительства все время чесались руки выступить вместе с буржуазной Францией против восставшего европейского пролетариата. Симпатии английских рабочих к европейской пролетарской революции были слишком сильны, и деятели так называемой рабочей партии в Англии не рискнули на авантюру против воли большинства своего пролетариата.

Военный союз советских государств Европы естественно превратился и в экономический союз. Федерация Советских республик Европы приступила к организации планового хозяйства на всей своей территории. Победивший пролетариат не был в состоянии немедленно осуществить социалистическую организацию хозяйства; он осуществил полную национализацию лишь в важнейших отраслях промышленности, в крупном и среднем сельском хозяйстве, он должен был сохранить на некоторое время некоторые капиталистические методы в своем государственном хозяйстве, особенно во всем том, что касалось хозяйственной калькуляции. Он не счел нужным даже уничтожить частную торговлю, прежде чем не были созданы все необходимые предпосылки для социалистического распределения продуктов. Но он подчинил не только свое собственное государственное хозяйство, но и необобществленную часть хозяйства, прежде всего мелкого крестьянского хозяйства, сознательному регулированию, используя как чисто социалистические методы, так и методы крупного капитала. Очень скоро на практике обнаружилось два основных типа государственного хозяйства пролетариата: более высокий тип стран промышленных, как Германия, Чехо-Словакия, Австрия, и тип более отсталых аграрных стран, как Россия, Польша, Болгария и т. д. Эта переходная система хозяйства не была социалистической в полном смысле этого слова ни там, ни здесь, но это был уже и не государственный капитализм, который оказался недостижимым идеалом для капитализма, и превзойденной ступенью для эпохи пролетарской диктатуры.

Новая Советская Европа открыла новую страницу в области экономического развития. Промышленная техника Германии об'единилась с русским земледелием, и на территории Европы начал быстро развиваться и крепнуть новый хозяй-

ственный организм, обнаруживший огромные возможности и могучий порыв к развитию производительных сил. А вместе с тем, Советская Россия, перегнавшая перед этим Европу в области политической, теперь скромно заняла свое место экономически отсталой страны позади передовых индустриальных стран пролетарской диктатуры.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Лекция пятая.
Введение. Европейский капитализм в тупике . . . 3—16

Лекция шестая.
Система хозяйства России после ликвидации военного коммунизма. Восстановление земледелия России в первое десятилетие НЭП'а. . . . . 17—34

Лекция седьмая.
Промышленность Советской России за десятилетия НЭП'а . . . . . 35—45

Лекция восьмая.
Система заработной платы. Подготовка квалифицированных рабочих. Красные инженеры. . . . . 47—59

Лекция девятая.
Организация государственной промышленности. . 61—77

Лекция десятая.
Новые формы оплаты труда. Бунт НЭП'а против пролетарской диктатуры. . . . . 79—94

Лекция одиннадцатая.
Начало перехода хозяйства на более высокую ступень. Экономический тупик. . . . . 95—118

Лекция двенадцатая.
Крах капитализма и гражданская война в Европе. 117—138